

Л.И. Крючкова

ИВАНЬКОВО: ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И
ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ «НАСЛЕДИЕ»

Л.И. Крючкова

***ИВАНЬКОВО:
ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА***

**Москва
2016**

УДК 908
ББК 63.3(2)
К85

Печатается по решению президиума Московского областного общественного фонда историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие»

Крючкова Людмила Ивановна

К85 Ивановково: город моего детства. М., 2016. – 96 с.

Книга посвящена истории повседневности середины XX века на примере города Ивановково – ныне не существующего населенного пункта, вошедшего в состав современного города Дубны Московской области. Содержит материалы воспоминаний многочисленных жителей города по различным аспектам его военной и послевоенной жизни. Будет интересна краоведам Подмосковья и Верхневолжья; историкам, занимающимся указанным периодом, и всем интересующимся историей наукограда Дубна и его исторического предшественника.

ISBN-978-5-9907798-1-5

© Л.И. Крючкова, 2016

© Московский областной общественный фонд «Наследие», 2016

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПОДБЕРЕЗЬЕ: ВЕК ДВАДЦАТЫЙ	8
Большое поселение...	8
1917 год	11
Школа и церковь	12
Кабатчиков и пожары	14
Коллективизация	15
Стройка и заключенные	17
Война	20
Послевоенная жизнь...	21
«Здесь будет город-сад...»	22
ИВАНЬКОВО: 1941-1945	24
Начало войны. Завод №30	24
Холодная осень 1941-го. Удивительный случай...	30
Понтонеры	33
Оборона поселка	34
Восстановление завода	37
Военные курсы: «Окружные» и «Выстрел»	39
ВОДНИКИ	42
СТАНЦИОННАЯ – УЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА	64
ДРОЗДОВСКИЙ ПАРК – ЦВЕТЫ НАШЕЙ ЮНОСТИ	75
О СНОСЕ МОНУМЕНТА И.В. СТАЛИНА	80
ИСТОРИЯ ВОКЗАЛОВ ДУБНЫ	83

***ЗНАТЬ ПРОШЛОЕ,
СОЗИДАТЬ НАСТОЯЩЕЕ,
ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ...***

ПРЕДИСЛОВИЕ

Людмила Ивановна Крючкова – коренная жительница города Иваньково. Сегодня этого города уже нет на карте, но его название живет в имени Иваньковского водохранилища – первого в каскаде водохранилищ великой русской реки Волги, и в Иваньковской ГЭС. Этот город, несущий в себе имя русской деревни Иваньково, известной еще с начала XVII века, не исчез и не был затоплен, как некоторые волжские города – в 1960 году он объединился с расположенным рядом, тогда еще небольшим научным городком Дубна. Объединенный город получил имя одной из своих частей, и сегодня во всем мире знают наукоград Дубна, один из ведущих российских научных центров – и только местные жители и подмосковные краеведы помнят город Иваньково, ставший предшественником Дубны.

Вот уже двадцать лет Людмила Ивановна занимается историей и краеведением родного города. Ее материалы печатают городские и областные СМИ, она неоднократно публиковалась в газетах «Вести Дубны» и «Подмосковное наследие», участвовала в краеведческих передачах Телеканала «Дубна». Эта книга представляет собой сборник статей Людмилы Ивановны, опубликованных в разных изданиях с 2001 года и неоднократно получавших высокую оценку читающей публики.

Жанр, в котором пишет Людмила Ивановна, – это изучение локальной истории по воспоминаниям современ-

ников ее явлений. Используя собственные воспоминания и обращаясь к воспоминаниям многих жителей прежней Дубны и Иваньково, она воссоздает не громкие исторические события, а ткань повседневной жизни.

Живая история повседневности – вот основной объект исследований Л.И. Крючковой. Это история, которую редко отражают официальные документы. Она живет, пока живы люди, помнящие эту повседневность, и уходит вместе с ними. Сохранить историю повседневности можно только сохранив воспоминания людей – именно этому благородному делу и посвятила себя Людмила Ивановна.

Сохранять воспоминания – нелегкий труд, надо уметь выслушать их у пожилого человека, которому не всегда просто сосредоточиться на общезначимых моментах, а не просто на событиях собственной жизни. Эти рассказы надо понять, записать, проанализировать, отделить частное от общего, сравнить с воспоминаниями других людей и другими историческими источниками – и только тогда можно представить читателю не просто запись чьих-то рассказов, но полноценную историю повседневности – именно то, что на высоком уровне неоднократно выполняла Людмила Ивановна.

Образование библиографа и педагога сформировало свой особый стиль, можно сказать, авторский метод Людмилы Ивановны в изучении фактологической ткани повседневности: восприятие локальной истории через сознание и эмоции живого рассказчика – свидетеля тех или иных событий, явлений и процессов. «Живая образность» местной истории, раскрытая через редкий в наше время жанр очер-

ка, осязаемая человечность повествования – характерная черта всех материалов исследовательницы.

Ее тексты входят в золотой фонд дубненского и подмосковного краеведения. Они хорошо написаны – живым, ясным языком; содержат множество уникальной и интересной информации, рассказывают о том, как жили люди – в годы Великой Отечественной войны, послевоенные годы, как они работали и отдыхали, о чем думали и к чему стремились. Это бесценный слепок героического времени в истории нашей страны, сделанный без всякой патетики, глазами обычных людей, трудящихся.

Уверен, что эта книга будет востребована в подмосковном краеведении и интересна всем, кому небезразлична история нашей большой и малой Родины.

Федор Петров,
канд. филос. наук,
директор по науке Московского
областного общественного фонда «Наследие»

ПОДБЕРЕЗЬЕ: ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

Большое поселение...

Подберезье исстари являлось большим поселением, образовавшимся на трактовом пути: вверх дорога шла на село Федоровское и Корчеву, вниз - на Кимры. Оно занимало очень выгодное географическое положение, поскольку располагалось на большом «волжском тракте» Кашинского уезда.

В начале двадцатого века в административно-территориальном отношении Подберезье входило в состав Ларцевской волости Корчевского уезда Тверской губернии.

Известно устное предание о том, что Подберезье первоначально располагалось на правом берегу Волги, в районе деревни Ивановково, а его сельскохозяйственные угодья были на левом ее берегу. Но так как случались большие половодья, то поля, угодья и сама деревня заливались Волгой. Поэтому в дальнейшем решили перенести деревню к березовой роще, подальше от волжской поймы, к левому берегу, там, где было повыше.

Пойма получила в местном обиходе название «Высокая Грива», которая была, по рассказам старожил, излюбленным местом охоты помещика Ивана Николаевича Мамонтова. Усадьба помещика вместе с винокуренным заводом находились в соседнем сельце Пекуново. Деревенские не очень любили появляться в этих местах, чтобы не встретиться с управляющим Мамонтова на помещичьих угодьях.

В начале XX века Подберезье было большим селом, оно насчитывало до 200 дворов. Дома делали крепкими, справными, с ажурными наличниками, богатыми крыльцами, много домов было «пятистенки» (с прирубями). До сих пор остались на некоторых из них затейливые медные ручки, красивые ворота, фигурные коньки на крышах крестьянских изб. А все благодаря сапожному промыслу, бытовавшему в этих местах. Обувщики-кустари заселяли дома в Подберезье. Допоздна стучали молоточки сапожных дел мастеров, иногда до утренней зари горели керосиновые лампы, а то и лучина, чтобы успеть рано утром отвезти очередную партию сделанных штиблетов и бареток, как называли подберезцы мужскую и женскую обувь, на кимрский или московский рынок.

Говорят, что подберезская обувь в первопрестольной раскупалась даже охотнее, чем кимрская. Местные умельцы славились тем, что делали свою обувь изящнее, не боялись комбинировать 2-3 цвета кожи. Вот и выходило, что все мужчины села были на промысле сапожном, сельхозработами занимались исключительно женщины. Сапожники в начале века объединились в артель в доме Зернова. Зернов руководил процессом: сам закупал кожу и другие материалы, сам отвозил готовую продукцию в Москву. Кто не хотел объединяться – был единоличником, работал только на себя.

На каждый дом был выделен земельный надел. Тем, у кого было много мужчин в семье, быть единоличником было выгодно. Так, в семье Дрожжиных было 5 сыновей и 2 дочери. И как только мальчик заканчивал 4 класса

школы, его сажали «на лапку», т.е. приучали к ремеслу. Мальчишки шли один за другим, и старшие обучали младших. Их отец имел дом в Москве. Дочерям дал высшее образование.

У Зернова было 6 дочерей и 2 сына. До образования колхоза 3 дочери окончили гимназию в Кимрах. Местные богачи старались не только расширить свое производство и вовлечь в него своих отпрысков, но старались их выучить, дать приличное образование.

Если мужчины заколачивали живую копейку, то на женщинах лежала вся сельскохозяйственная работа, огороды, поля, скотина, куча ребятишек, да еще старались помочь мужьям обувь шить. Вся детвора рано включалась в работу. Мужчины летом только косили, а сушить, возить, сажать-пахать - всё бабы с ребятишками. Да еще надо было за лето грибов накопить и ягод. Ребяшня, старухи умудрялись пешком уходить на Кимрский рынок, чтобы продать это все да себе наготовить на зиму.

До революции представителей власти здесь было немного. Власть уважали и боялись. На весь Корчевской уезд был один урядник. Если знали о его приезде, заранее выходили встречать, обращались через старосту, которого выбирали сходом. Поочередно, то один, то другой, были старостами – хозяйство-то было общинным. Платили налоги, староста отвечал за пожарную безопасность. Был отстроен большой сарай с пожарной утварью, которую всегда держали наготове. А уж если ехали Мамонтов, да с барыней, да с другими гостями, то вся деревня льнула к окнам, выбегали «со всех щелей». По селу несло: «Бары-

ня едет, барыня едет!» Потом долго обсуждали: красивая или нет, какая прическа, какое платье. Кто что успевал рассмотреть.

1917 год

Так жили до революции устоявшимся крестьянским бытом, да случился 17-й год. В Корчевском уезде прокатилась волна большевистской революции. Начались волнения, разговоры, сходки. Подберезская беднота, воодушевленная речами агитаторов, пошла громить двухэтажный дом Мамонтова, который стоял в сосновом бору на берегу Волги. Дом, одиноко стоявший в лесу, на высоком песчаном холме, использовался землевладельцем как дача или охотничий домик. Необходимо отметить, что «охотничий дом» namного пережил усадьбу и заводские постройки Мамонтова в Пекуново. Простояв на левом берегу, в конце Октябрьского проезда, он был разрушен только в конце 1980-х годов.

...Громили все. Тащили, кто что мог утащить. Неграмотные крестьяне брали книги и различную утварь. Один житель притащил в подберезский дом зеркало. Дом был маленький, а зеркало большое, оно никуда не проходило. Пришлось его поставить к скотине в клеть. Корова увидела себя в зеркале, да и разбила его, вот уж было разговоров в деревне!

Самым ярким воспоминанием детства подберезских ребят была река Суглинка или, как теперь говорят, Суглинок. После весенних разливов (а вода порой доходила до деревенских огородов) мальчишки на самодельных плотах иногда могли плавать до самой Волги и ловили по

канавам рыбу. Даже девчонки вязаными платками могли зараз отловить по 2-3 щуренка, вспоминает 92-летняя К.И. Моисеева. В то время рыбы в Волге было столько, что сеть мужики не могли сами вытащить, привязывали лошадь. Рыбы набирали и в кадки, и в корыта. Потом ее долго сушили на чердаке.

Мальчишки пропадали на «баринках» - так называли места в лесу, где строились на деревьях хижини, шалаши – и играли в войну. Зимой центром был сельский пруд. Сейчас он зарос и стоит неприглядным омутом среди деревни, а тогда это был особый огромный мир детства. С высокого берега дети на салазках съезжали вниз, строили крепости. В общем, было очень весело, детей в деревне тьма. В каждом доме 5-8 человек. В прогонах между домами ставили качели. В селе была даже карусель. Как загонят скотину, подоят, так и высыпают, как горох, на крыльца. «Гармоней было не счастье. Тут заиграют, там запоют - не знаешь, куда и бежать», - вспоминает Н.С. Червинская.

Школа и церковь

Школа №6 в селе была только начальной. Топили печи, технички приходили рано. К приходу ребят успевали накипятить воды в бачке для питья. Обучение было смешанным: 1-2-й классы - в одной комнате, 3-4-й - в другой. До 50 детей обучалось. Одно время был и 5-й класс. Учителя жили при школе. Л.Н. Орлова, которая последние 15 лет была ее бессменным директором, называет и других директоров: Т.И. Суменкову, Д.М. Татаринкова, А.Н. Неглицкую. Помога-

ли друг другу, жили одной семьей. С постройкой поселка Иваньково детей стало все меньше, и в 1967 году ее прикрыли, а детей перевели в 3-ю школу.

До революции обязательно дети из школы ходили в церковь, а после учителя не разрешали, но ребята все равно бегали, благо, церковь стояла рядом со школой, была очень изящной, с красивыми воротами. Деньги на постройку церкви собирали всем миром, но основные средства для ее строительства обеспечила семья Зерновых.

Когда разоряли церковь, а было это в 1937 году, вспоминает Валентина Федоровна Смолина, все бегали смотреть. И на ее глазах один из мужиков рубил топором красное бархатное Евангелие с золотым крестом. «Эта картина так и стоит в моих глазах», - говорит она. Иконы срывали, рубили, верующие уносили их и прятали по сараям, чердакам. И вот таким образом спаслась самая красивая и большая икона Смоленской пресвятой Богородицы Одигитрия, в честь которой и назван был храм. А 10 августа было и осталось престольным праздником Подберезья. И до войны, и после съезжались на главный праздник села все его жители.

Потомственный житель села Юрий Михайлович Дрожжин рассказывает, как перед финской войной в дом в Подберезье съехалась вся многочисленная родня (как оказалось, в последний раз). Семья была очень музыкальной. Отлично играли на гармониях, балалайках, а еще лучше пели. Организовали семейный оркестр, чем немало порадовали односельчан. Местная власть в лице милиционера разгоняла гулянья, грозила, штрафовала. Доставалось и бабушкам. Им не разрешалось собираться вместе, чтобы помолиться. К

Село Подберезье, 1957 год

ним тянулись, но не раз кто-нибудь из своих же их выдавал, и бабульки расходились, напуганные, по домам.

Кабатчиков и пожары

Как и положено селу, в нем располагались два магазина, аптека и даже чайная. А как же им было не быть, если путь на лошадях был длинный и медленный. А ну-ка из Омутни в Белый Городок доедешь без передышки?! Вот и останавливались: зимой, чтобы согреться, летом, чтобы дух о жары перевести да подремать на телегах. Чайная – дом в два этажа. На первом – кухня, на втором – кушали. В прогон загоняли лошадей, а сами щей похлевать, чайку попить. Хозяин был Куликов. Местные и фамилию его забыли, а все

называли Кабатчиковым – такое ему дали прозвище. Чайная позже сгорела, кто говорит – подожгли. В деревне постоянно были пожары. Горели конюшня, артель швейников. Но все, как один, вспоминают страшный пожар, случившийся в старой Креве, куда тушить из Подберезья бегали все, кто смог. Выгорело то ли 13, то ли 17 домов. После пожара селились у родни, заново отстраивались. Строились быстро, потому что родни было много.

Коллективизация

И опять поворотный пункт истории. Коллективизация. Колхоз. Пришли 30-е годы. И деревню затрясло. Не хотели ремесленники – ни богатые, ни бедные – идти в колхоз. Но из Кимр приехала власть, выбрала сельсовет. Начали отдавать приказы, кому что сдавать. Началось раскулачивание. Было в селе 5-7 крепких хозяйств. С них и начали. Стали забирать лошадей. Хороших отдавали на нужды армии, а похуже оставляли в колхозе. До 40 лошадей было оставлено. Коров тоже: или в колхоз сдавай, или иди в Кимры, на мясозаготовку. Даже маленьких телят тащили на убой. Вовремя мясо не перерабатывали, и очень много просто пропадало.

Раскулачили Белкина. Его дом все знают. Он и сейчас стоит в начале Подберезья, в два этажа. Там поочередно была и артель швейников, которая во время войны шила и перешивала офицерам обмундирование. Там же была и пекарня, она еще долго после войны функционировала. На втором этаже был клуб одно время. Перед войной там справляли праздники урожая. Так что дом Белкина хорошо послужил. А почему раскулачили? Да брал Белкин на сезон-

Село Подберезье, храм Смоленской Божией матери.
1930-е гг.

ные работы несколько работников. Занимался торговлей лесом. На первом этаже был магазин, на втором сам жил с семьей. Сына со снохой оставили жить на кухне в этом же доме, а самого с женой-старухой увезли. На дворе была скотина, снаружи дом был красивый, а в самом доме никакого богатства не было.

Много поломали судеб. Вспоминают семью Маховых. Она заготовщик, он сапожник. День и ночь работали, ночей не спали. Хозяин непьющий, некурящий. На дворе – лошадь, корова. Построили большой сарай, баню. Поутру ехали в Кимры, чтобы пораньше вернуться. Так стали грозить раскулачиванием. Ночью все бросил Махов и уехал.

Все добро забрал колхоз. Позже наведывался к сестре, оставшейся в деревне.

Или еще семья Архиповых. Домик маленький, старенький. Домик заколотили. Вещи успели по дешёвке распродать и уехали с глаз долой. Потом сын со снохой вернулись.

Уехали в Москву и Зерновы с Дрожжиными. Семьи-то большие, кого определили в Ленинград, кого в Москву, кого в Кимры. А сестру Дрожжина как заложницу оставили в Кимрах. Так и жила с матерью в Кимрах, а отец с другими детьми – в Москве. И что интересно, у всех судьбы сложились благополучно. На новых местах быстро окрепли. Да вот беда, война почти никого из мужчин не вернула. Да и в блокаду погибали. И сейчас фамилии Дрожжиных и Зерновых пропадают по мужской линии.

Колхоз просуществовал недолго. Председатели часто менялись. На трудодни давали картошку, гречу с полей, огурцы.

Стройка и заключенные

Когда началось строительство канала, колхозу дали задание по поставкам для заключенных дров, картошки, капусты. Родители отправляли вместе с возницами и детей в помощь. На подводы грузились мешки, дрова – и девочки-подростки доставляли все это в лагерь. Довозили до ворот, дрожа от страха, и там сдавали. Видели изнуренных, грязных, голодных людей. Среди них было особенно много выходцев из Средней Азии, раскулаченных басмачей. Они вправду были страшны. В своих высоких бараньих шапках,

с горящими глазами, они часто совершали побегии. В руках у убежавших видели ножи. Если такого случайно встречали в лесу, то бросали всё и убегали. В одно из лет то ли 37-го, то ли 38-го года они устроили большую резню. Тогда погибло больше 10 человек.

Подберезцы не разрешали своим детям удаляться от деревни далеко. Заключение поздно вечером могли стучаться в окна и просить еды, а иначе грозили съесть детей. И выносили последнее, говорит Н.С. Червинская. Много было в лагере и попов, бывших служителей церкви.

Со строительством завода №30 начался отток людей из деревни. Артель сапожников развалилась (ею руководил уже Русов), потом сгорела. Она располагалась в бывшем доме Зерновых (один из сыновей Зернова все же отсудил дом у колхоза в Кимрском суде и перепродал его артели).

Для строительства завода №30 требовалось много рабочих рук. Сначала подберезцы помогали возить на лошадях лес и песок, рыть ямы, строить и мостить дороги, потом многие переквалифицировались в строителей и заводских рабочих.

Дороги делали вручную. 20 верст от Подберезья до Кимр три бригады строителей сделали за лето. Валили лес, делали насыпку, привозили огромные валуны, разбивали в грунт. До ее постройки в Кимры добирались проселочной дорогой. Она шла по берегу Волги. Сразу от Подберезья до деревни Пекуново, а там берегом до Святья и далее. Зимой для сокращения пути и вовсе ездили застывшей Волгой. Сколько же телег провалилось с людьми и лошадьми,

Село Подберезье.

Храм Смоленской иконы Божией Матери. 1937 год

сколько простужалось, а потом умерло, пример тому отец Ю.М. Дрожжина. Наконец-то в Подберезье появилась нормальная ровная дорога. А то была сплошная грязь посреди деревни. Еле телеги протаскивали. Первые пионеры деревни маршировали под барабан задворками, иначе утопнешь посреди улицы.

Перед войной колхоз совсем рассосался, распался сам по себе. Функции уже были другие. Молодежь стала уходить из деревни. Стали селиться в освободившиеся бараки или в отстроенные новые на Стахановской улице. Комнаты давали в первую очередь стахановцам-передовикам. Улица Стахановская долго была красной от посыпанного красного кирпича. Кирпич брали с разрушенной церкви. Хотели получить цельные кирпичи, но они крошились. А в один из дней сорвался огромный кусок и убил двоих рабочих, парня и девушку, пришедших после обеда рушить церковь.

Война

Войну пережили очень тяжело. Поселок и деревня опустели. Работать стало негде. Выживали кто как мог. Если работал, то давали 400 граммов хлеба. Но в основном сидели на картошке, а потом и вовсе собирали гнилую, толкли с лебедой и ели. Меняли вещи. Н.С. Червинская рассказывает, как она отнесла в Горицы свой сарафан, ей дали за него 4 картошины. Она тут же их съела и заплакала от жалости к себе. Легче было тем, кто держал живность. В некоторых домах чинили обувь. Выручали военные. За ремонт они давали что-нибудь из съестного. Но афишировать открыто свое мастерство боялись. Скрывали, что шьют на дому или ремонтируют. Все это облагалось несусветно большим налогом.

Но молодость брала свое. В поселке стояли военные. В основном офицеры. У них был замечательный оркестр. В

районе бывшего магазина «Дежурный», что на ул. Ленина, устраивались танцы. Стоит только оркестру грянуть, как со всех ног неслись подберезские невесты, принаряженные в ситцы, на гулянье. Некоторые там и мужей нашли.

Когда завод вернулся из эвакуации, то к станкам пошли голодные подростки и женщины. Из каждого дома ушли по 2, а то и по 5 солдат на фронт. И очень многие из них не вернулись. Об окончании войны узнали из сводок информбюро. Екатерина Ивановна Каныгина помнит, как бежала после объявления о конце войны с красным флагом к дому Ателье, это был филиал Горьковской пошивочной фабрики в Кимрах. Забралась на чердак, на крышу, и прикрепила флаг. Все плакали от счастья, целовались, отпускали по случаю такого праздника из школы, с работы.

Послевоенная жизнь...

После войны жизнь закипела. Многие подберезцы стали заново отстраивать свои дома, другие, наоборот, съезжать от родителей в сталинки, в коммуналки. Семьи делились. В деревне оставались старики. Приезжие отстраивали дома в переулках деревни, брали ссуды, дома росли быстро. По выходным дням любили ходить на базар, что был в начале Подберезья. Базар или рынок был небольшой. Запомнили промтоварную палатку, да палатку с пивом, где хозяйничали Андрей с женой. Завсегдатаев спрашивал Андрей: «Ну, как, с подогревом или без?» С подогревом - это значит в пиво добавлял водочки. После подогрева многих жены находили здесь ближе к ночи.

На рынке торговали зерном, поросятами, картошкой, молоком. Стояли подводы из ближайших деревень. Можно было увидеть цыган с кибитками, старьевщика, меняющего на тряпки мячики, свистульки. Но лишних тряпок в домах не водилось. Редко кому удавалось стать обладателем золоченого шарика на резинке или трывкающей шарманки. Женщины Подберезья разносили по домам поселка, особенно в немецкие дома, молоко, рыбу, чернику. Там всё это охотно покупали.

«Здесь будет город-сад...»

В 1958 году поселок Ивановково получил статус города Ивановково Московской области, а в 1960-м города Ивановково и Дубна объединились. Таким образом, село Подберезье стало своеобразной «базой» сначала новостройки, а потом и города Ивановково. Жители деревни были толковыми, работающими, быстро усваивали новые специальности, обучались в вечерней школе, в техникуме при заводе и становились отличными мастерами и руководителями. Заводские, они же подберезские, хорошо знали друг друга. Жили открыто, весело, большими семьями-кланами. Чужаков остерегались. Помогали молодым семьям встать на ноги, быстро богатели, что и раздражало в них приезжих.

С появлением хрущевок Подберезье и вовсе захирело. Новых домов не строили, огороды многие запустили. И только перестройка вдохнула жизнь в деревню. Теперь уж отпрыски старых семей захотели обновить свои родовые гнезда. Да новые русские предприимчивые люди стали

возводить дворцы на месте старых развалюх. Одни ходят в Подберезье посмотреть на дома с одобрением, другие - с осуждением. Но главное, что село с богатым прошлым, которое стало органичной частью нового молодого города, по-прежнему живет своеобразной жизнью. И самое настоящее его богатство – это подберезцы!

От всей души благодарю К.И. Моисееву, Н.С. Червинскую, Е.И. Кайнову-Каныгину, В.П. Тайнову-Калякину, В.Ф. Смолину (Рукавичку), Ю.М. Дрожжина, В.В. Носкова, В.С. Смирнову, которые смогли поделиться своими драгоценными воспоминаниями, на базе которых и был подготовлен этот очерк.

ИВАНЬКОВО: 1941-1945

В этом году исполняется семьдесят пять лет со времени битвы за Москву – огромного сражения, в котором решалась судьба не только нашей столицы, но и будущей Дубны – рабочего поселка Иваново, включавшего в себя в те годы район новостройки при заводе №30 – нынешнюю Тридцатку, поселок Большая Волга, деревни Подберезье, Крева и Пекуново.

Начало войны. Завод №30

Как всегда, в 7.00 заводской гудок разбудил спящий рабочий поселок. Было солнечное теплое утро 22 июня 1941 года. Ничего не подозревающие люди стекались к заводской проходной, которая в то время располагалась ближе к Пожарке. При подходе стали замечать столпившихся людей, которых не пропускали через проходную завода. В недоумении останавливались, задавая один и тот же вопрос: «Почему не пропускают?» «Говорят, что война началась», - пошел по толпе слушок. Первыми о нападении Германии узнали телефонистки рано утром на станции, но говорить об этом было запрещено. Однако молва пошла...

Когда уже весь народ подошел к заводской проходной на работу, ровно в 8.00 вышли парторг, директор завода Яков Кузьмич Руденко и еще несколько человек из руководства предприятием. Начался митинг. Парторг объявил

Врачи поликлиники поселка Большая Волга.

Август 1941 года

о вероломном нападении на СССР со стороны фашистской Германии. Потом стал говорить Руденко. Он призывал к сознательности, бдительности, к тому, что придется работать в режиме военного времени. «На войне нет расписания», - говорил он. В речи директора прозвучало предупреждение: в случае отступления, уходя из поселка, уезжая к родне, никому ничего не рассказывать про оборонный завод №30. Слухи не распространять!

Через час оглушенные, подавленные, с застрявшим страхом в глазах и душах пошли в цеха, к своим рабочим местам. Стали клепать, точить, резать... Но работа не шла. Сотни молодых ребят, мужчин повесили головы: мысль о том, что началась война, и неизбежность того, что надо идти на фронт, стучала в висках.

Большая Волга. 1942 год. Аэрофотоснимок.
Здание госпиталя 30-й армии -
в настоящее время школа N 2

На следующий день объявили об увеличении рабочего дня до 12 часов. Работали с 8.00 до 20.00. В 18.00 перерыв на ужин на 20 минут. В 12.00 – на обед. Питаться старались на фабрике-кухне. Во-первых, домой идти далеко, а во-вторых, дома у большинства есть было нечего. На фабрике же давали хоть какую-то кашу. Стоило все копейки, да купить было нечего...

К осени 1941 года, по мере приближения театра боевых действий к нашей местности, было принято решение организовать светомаскировку. Приходили уже в 7.00, уходили с работы в 20.00, час на обед. Электрикам прибавилось работы. Старые абажуры меняли на новые, сверху они были черные и свет у них был ограниченно направленный – с четкой фокусировкой. Сократили места освещения. Привезли огромные сети, наподобие рыболовных. На каждом уголке привязали тряпки, ветошь – зеленые, коричневые. На крышах зданий сделали металлические каркасы, водрузили на главном корпусе железобетонные плиты и натянули эти сети. Сверху «картинка» воспринималась как зеленый луг.

Окна завесили, а в основном здании запылили краской. Изнутри крест-накрест на стекла наклеили белые полоски бумаги, чтобы при бомбежке не вылетали стекла. В поселке, в жилых домах заводчан сделали то же самое: поступило соответствующее распоряжение. Стены зданий, особенно главного корпуса, раскрасили под камуфляж. Еще летом главный корпус завода со стороны моря (где высокая зона) художники разрисовали так, что получилась огромная картина: домики, сосны, песок. Типичный сельский антураж

Большая Волга.

Оборонительные позиции у памятника Сталину

– на берегу под сосенками стоят два маленьких домика, глушь и тишина. Любопытно, что, по воспоминаниям очевидцев, доверили эту работу не местным малярам, а худож-

никам из Москвы.

Ближе к сентябрю многие руководители среднего звена, квалифицированные работники и вовсе перестали ходить домой. Ночью в каждой группе в цехе кто-нибудь оставался ночевать. Спали на столах, дощатых настилах, а в цехе №22 - на матах, на которых днем лежа клепали снизу крылья самолетов.

Когда стало ясно, что немцы готовят наступление на Москву и разворачиваются бои за Калинин, чтобы с севера ударить по столице, было принято решение эвакуировать завод, проработавший со времени своего пуска всего два года (с 10 июля 1939 года). Поселок Иваньково становится прифронтной полосой. Срочно начинается демонтаж оборудования в сверхсрочном режиме. Дисциплина была железная. Приказы начальства не обсуждались. Г.И. Иванова рассказывает, что отца совсем дома не видели. Н.И. Бушин занимался погрузкой оборудования на баржи. Эвакуация началась 10 октября. Семьи сотрудников предприятия были отправлены на пароходе раньше. Эвакуацией завода занимался новый директор Иван Николаевич Смирнов, который в дальнейшем и вернулся с ним назад, весной 1942 года.

Груженный заводским оборудованием караван шел по Волге и под Горьким попал под авиабомбежку. Одна баржа была затоплена. Охрана, находившаяся на барже, стала тонуть. очевидцы вспоминают, какой они пережили ужас. Кромешная темнота, ледяная вода, крики и стоны. Кому-то удалось спастись...

Получили приказ в декабре вернуться назад. Но вернулись не все, и не всё оборудование. Часть людей и мате-

риально-технической базы осталась под Москвой, на авиационных заводах в Филях и Тушино.

Холодная осень 1941-го. Удивительный случай...

...Фронт приближался, бои шли уже в 4 км от Конакова. Была слышна канонада, иногда на горизонте полыхали зарева. По воспоминаниям очевидцев, передовые разведкоманды немцев на мотоциклах доезжали до нынешней деревни Домкино, располагающейся за каналом имени Москвы. Они ездили по центральной деревенской улице и палили из автоматов по окнам крестьянских изб. Вот тогда на оставшихся жителей поселка напал настоящий страх. Боялись попасть в плен: слухи о зверствах фашистов из карательных отрядов, одетых в черную униформу с черепами и костями, вызывали ужас.

По сути, с эвакуацией завода жизнь в поселке замерла. Ребята 1921 года рождения все были отправлены на фронт, поскольку к началу войны служили в армии. К осени 1941 года мобилизовали молодых 1922-23 гг. Мужчин до 55 лет кого забрали на фронт, кого в трудовую армию. Подростков, начиная с 14 лет, также привлекали к обязательным работам – копать окопы, валить лес, возить дрова. На заводе одним дали справки об эвакуации, другим – расчет. Кто жил в близлежащих деревнях и работал на заводе, не хотел эвакуироваться, убегал к родственникам в дальние деревни. Если попадались в руки НКВД – их участь была предрешена: 5 лет лагерей. Другим просто некуда было податься. Многие бараки опустели, электричество отключили. Было холодно

Аварийный сбор воды Иваньковской плотиной 20 ноября 1941.

Фото предоставлено Владимиром Родионовым

и темно. Практически все жители поселка страдали от недо-
едания.

Под особую охрану взяты стратегические объекты: дамбы, ГЭС, плотина. Из местных жителей Большой Волги были сформированы команды стрелков, в основном из женщин. По воспоминаниям В.Н. Кощеевой, ее тетя Н.А. Кочеткова в одну из ночей дежурила на ГЭСе. Вдруг она услышала цокот копыт, из темноты показались всадники. Один из них спрыгнул с лошади. Высокий, красивый, в белом полушубке. Он подошел к Нине Андреевне и спросил, где найти начальника. Получив информацию, отдал ей поводья коня. Через непродолжительное время всадник вышел из здания ГЭС. Подошел, поблагодарил за службу, пожал руку и уска-

Заброшенный пулеметный колпак - оборонительное сооружение времен войны, в лесу на Черной речке кал в сторону дамбы. Появившийся начальник объяснил, что это был генерал Рокоссовский, командующий фронтом. Он привез приказ взорвать Ивановскую ГЭС, как только на дамбу ступит сапог немецкого солдата...

В ту ночь стрелка Нину Кочеткову раньше отправили домой. Большая Волга замерла в ожидании взрыва. Но его, к великой радости, не последовало. Советские войска удержали агрессивные атаки врага и не дали фашистам выйти к Ивановскому водохранилищу. Прорвать фронт на этом участке противнику не удалось. Необходимо отметить, что был сорван коварный план немцев в декабре 1941 года, который предусматривал проход танковыми колоннами по льду водохранилища в тыл советским войскам. Работникам Ивановской ГЭС удалось в 40-градусный мороз поднять водяные ворота плотины и спустить воду в Волгу. Ледяной панцирь Московского моря лопнул,

пошел трещинами и перестал служить дорогой для вражеских танков.

Завод канул в небытие. Правда, вскоре его опустевшие корпуса заняли сибиряки, которых временно поселили здесь для обороны дамбы и Иваньковского водохранилища. По мнению некоторых старожилов, их было около 5 тысяч человек. Потом их отселили в бараки, и после зимы они уехали.

Понтонеры

В ноябре ближе к ночи в поселок Северный (располагался рядом с ОГЭМ, по дороге к морю) приехали два батальона военных понтонеров. Цель их прибытия, очевидно, - наведение моста через Волгу в случае отступления войск. Прибывших, которых окружала завеса какой-то секретности, стали расселять по баракам. Валентина Николаевна Ряшенцева жила с мамой и теткой в маленькой комнате. Вошли, топилась плита, было тепло. Старший распорядился: «Восемь человек останутся здесь!» Продрогшие, мокрые военные повалились на пол от усталости. Сварили гречки. Поели, обсохли, а наутро стали приводить в порядок заброшенные бараки, ладить печи, вставлять выбитые стекла. К вечеру все было, как в казарме.

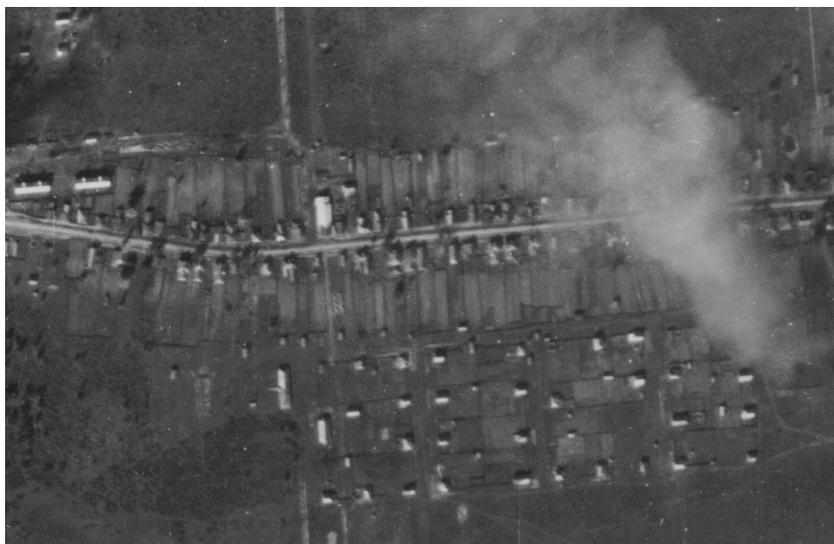
Военные стали ходить в увольнение в Иваньково, но чаще посиделки проходили в Северном. Приносили патефон. Танцевали, играли в карты. За два месяца все очень сдружились. Отмечают, что ребята были воспитанные, ладные. Запомнился Жак Шеркевич, Леонид Ярмоло, а вот фа-

милии Юры и Саши забылись. Чтобы хоть как-то выжить, военным чинили белье, шили рукавицы, перешивали вещи. За это понтонеры приносили нитки, мыло, концентраты. В конце декабря батальоны получили приказ о перебазировании. Рано утром девушки, женщины вышли провожать бойцов первого батальона. Второй отправился на следующий день. Вышли из барачных корпусов и ахнули – вся улица Жданова с начала и до конца была уставлена тяжелыми грузовыми машинами. Они были зачехлены. Далее колонна занимала улицу Октябрьскую до фабрики-кухни, а потом заворачивала на Жуковского. И где они их только прятали? – недоумевали иваньковцы.

В феврале 1942 года пришло несколько строчек от Жака. А в 1947 году получили письмо от Леонида. Слава Богу, остался жив. Единственный почтальон на весь поселок тетя Шура носила письмо две недели, на нем не было адреса. Но уж такая была почтальонша – всех выпросит, несколько раз придет, но вручит заветное письмо в руки адресата.

Оборона поселка

Для охраны объектов гидросооружений и авиационного завода №30 были предприняты все меры. Со стороны моря ГЭС и дамба были укреплены противоторпедной сетью. Для охраны этих объектов срочно были переброшены сибиряки. Битву с фашистами на этом направлении вела 30-я армия генерала В.А. Хоменко. В результате боев 14-18 октября советскими войсками было приостановле-

Село Подберезье на аэрофотоснимке 21 августа 1942 года но дальнейшее наступление врага на Калининском участке фронта. Но с ноября вновь разгорелись ожесточенные бои от Волжского водохранилища до района Тулы.

В районе нашей местности линия обороны частей 30-й армии проходила от головного сооружения канала до деревни Карманово, где позиции удерживала 21-я танковая бригада (до сих пор по правому берегу канала от Карманово до Темпов и далее можно увидеть оплывшие от времени окопы военного времени).

Гитлеровцы активно бомбили прифронтовую полосу. Для отражения налетов в районе поселков Иваньково и Большая Волга были расставлены зенитные батареи, сооружены оборонительные доты и дзоты (последние можно застать до сих пор, например, в районе паромной переправы). Очевидцы помнят, что прорвавшимся самолетам удалось

Проходная Дубненского машиностроительного завода.

Послевоенные годы

сбросить несколько бомб в водохранилище, на поселок и прибрежную лесную полосу. В частности, бомбой была повреждена пристань «Большая Волга». Несколько бомб упало на территорию завода. Одна из них повредила главный корпус. Неразорвавшаяся с войны бомба была обнаружена несколько лет назад в канаве на первом секторе садоводческого товарищества «Восход».

Зенитчики (а это был женский батальон) стояли на дамбе Иваньковского водохранилища, доты находились в начале и в конце плотины, около тоннеля, пристани, по берегу канала имени Москвы. В районе озера на Большой Волге, рядом с маяком были выкопаны блиндажи и землянки. Они просуществовали практически до 1960-х годов, пока не обвалились и не заросли.

22 января 1942 года было завершено освобождение Московской области от немецких захватчиков.

Восстановление завода

...В марте 1942 года по поселку были развешаны объявления: для восстановления завода прийти на улицу Жданова, д.34. Пришли в основном девочки-подростки и женщины. Их разбили на три бригады по 25 человек, которые начали очищать заводские помещения от мусора и хлама. Была восстановлена котельная, организовано водоснабжение. Нежные девичьи руки выполняли всю мужскую работу: варили трубы, нарезали резьбу, гнули прутья железной арматуры. В котельной приходилось часами работать лопатой и подбрасывать уголь в печь.

В мае в поселок приехали таганрогские специалисты по гидросамолетам, стали постепенно налаживать производство. Директором был назначен Игорь Вячеславович Четвериков.

Заработал завод – стал жить поселок. Бывшие рабочие возвращались к станкам из близлежащих деревень. Зарплату получали карточками. Месячные нормы были следующими: 600 грамм хлеба на работающего, 400 грамм - на иждивенца и ребенка. На месяц давали 1200 грамм крупы, 1200 грамм мясных продуктов. Последние старались не брать, заменяли их на кильку или обезжиренный творог, которых давали в три раза больше. Кроме того, работникам предприятия полагалось 600 грамм жиров на карточку и полтора стакана соли в месяц. Соли никогда не хватало, она

играла роль «местной валюты» и становилась предметом обмена. Чтобы как-то сэкономить ее потребление, ходили на фабрику-кухню обедать. Дело в том, что в самом начале войны туда завезли много соленых помидоров и варили из них рассольник. Он был пустой – помидоры да вода. Противно было есть, но все равно брали эту соленую жижу, дома добавляли в нее конский щавель, крапиву, щепотку крупы и варили щи. Откуда-то появилась соя, из которой очень долго для заводчан готовили кашу. Хотя и были голодные, а глотали через силу. Ни соли, ни сахара, ни масла в этой каше.

Весной и осенью ходили на колхозные поля. Долгими часами перекапывали землю. Иногда удавалось набрать ведро картошки. Из нее пекли лепешки прямо сверху на железной плите. С весны 1943 года стали давать участки для посадки картофеля, по три сотки. Но семян не было. Выкручивались кто как мог: ходили по деревням, в Кимры на рынок и меняли. Одни догадались использовать трансформаторное масло, которое извлекали из старых трансформаторов. «Гарево масло», как его называли крестьянки. Каждой семье хотелось хотя бы к Пасхе затеплить в доме лампадку. Икон в домах было много – многие спасли их из разрушенных храмов в округе. За маленький пузырек такого масла давали несколько клубней, а за пол-литра – два ведра картошки.

Кто-то после эвакуации завода собирал огрызки химических и цветных карандашей. Из химических кустарным способом изготавливали чернила. Старые использованные папки из-под документов тоже находили свое применение.

Лист бумаги с одной стороны был исписан, а с другой – чистый. А как нужны были бумага и чернила в каждом доме: письмо на фронт любимому мужу написать, в школе детям учиться. Вот и пошли догадливые по дальним в нашей местности деревням - за Ильинское, в Бородино и Ново-Иваньково - обменивать это богатство на картошку. За лист бумаги – 5 картошин, за пузырек с чернилами – 5 картошин. В оборот шла синька, сохранившаяся с довоенных времен. Ржавые гвозди вытаскивали, выпрямляли, связывали пучками по 10 штук. За один пучок давали 5 картошин. Так и на посадку кое-как хватило.

Военные курсы: «Окружные» и «Выстрел»

В марте 1943 года в поселке открылись военные курсы младших лейтенантов – их называли «Окружные». Численность курсантов составляла три роты. Окружные размещались в бараках на улице Стахановской. Один барак был отведен под учебный, а в других располагались казармы. Еду готовили прямо на улице, в котлах.

Курсы «Выстрел» находились в двухэтажных домах по улице Ленина. «Выстрел» представлял собой своего рода курсы повышения квалификации офицерского состава. Напротив, где магазин «Ткани», был пустырь. Все это место вплоть до 5-й школы было обнесено плетеным заборчиком. Силами курсантов на пустыре была построена арка, поставлены ряды скамеек, сделана танцверанда. Провели воду, помогли достроить баню. Курсы вообще очень активно включились в жизнь поселка, внесли «све-

жую струю» в монотонные тыловые будни. Как уже говорилось, в основном слушателями «иваньковских военных университетов» был командирский состав – на погонах звездочки. Было много слушателей из Москвы, Одессы. Это были добровольцы из вузов – выпускники военных кафедр и уже повоевавшие, отличившиеся герои, кадровые военные. Любопытно отметить, что, по воспоминаниям старожилов-иваньковцев, среди курсантов были воспитанники детских домов, сибиряки. Особенно запомнились югославы – наши союзники. Некоторые из курсантов подвизались на педагогическом поприще – преподавали в подберезской школе и школе №1. Обедал «Выстрел» на фабрике-кухне.

По большим праздникам организовывались грандиозные концерты. Особенно вспоминаются концерты, посвященные Дню Советской Армии. Играл духовой оркестр. На танцверанду проходили только под руку с военным: это был своеобразный пропуск для местных девчат. Девчонки влюблялись без памяти, поэтому в поселке в последующем никого не удивило появление на свет множества ребятишек. А их незаконные отцы получали звания и назначения и уезжали: кто на войну, кто на стройки по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства.

Осенью 1945 года, после окончания войны, курсы «Выстрел» перевели под Владимир, уехали и «Окружные». Некоторые слушатели-курсанты впоследствии вернулись в поселок и создали здесь семьи...

Война закончилась. Редкая семья не понесла потери. 270 фамилий выбиты на мемориальной плите в сквере у

завода. Это жители поселка Ивановково и работники предприятия, не пришедшие с войны.

ВОДНИКИ

Наконец-то я решилась написать об особой когорте большеволжских жителей – водниках. О людях, не просто когда-то плававших на грузовых судах, а о необыкновенных смельчаках, посвятивших всю свою жизнь этой профессии. Это особый мир.

Водники всегда притягивали к себе внимание остальных. Их работа казалась сплошной романтикой, ведь плавать – это так заманчиво и увлекательно! И только узнав подробности от самих водников об их плавании, понимаешь, насколько это было тяжело, ответственно, да просто опасно.

Навигация начиналась с середины апреля и продолжалась до конца ноября. По этому поводу дважды в год Большая Волга праздновала: в клубе ВРГС отмечали начало и конец навигации. Вынимались или шились по этому случаю новые наряды, и «лучшие из лучших» битком заполняли небольшое помещение клуба. Удивительно, как в него могла поместиться треть жителей поселка!

Отчет, награждения, концерт и, конечно, танцы. Начинали дошколята, потом ученики, и продолжалось выступлением хора, танцевального кружка, кружков народных инструментов, вокально-инструментальных и других.

Всем руководила заведующая Клавдия Ивановна Коронная, она и сама исполняла арии и романсы. Торжества заканчивались далеко за полночь.

Поселок Большая Волга в 1939 году. Фото В. Леонова

Когда на Большой Волге произносится магическое «водники», то память подсказывает фамилии Фокеевых, Седенковых, Новоявчевых, Мавлаховых, Смирновых, Бордюковых, Отделкиных, Шебуковых, Шевениных, Футиных, Евстигнеевых, Богдановых, Вороновых, Кутыркиных, Лаврухиных, Барсковых, Герасимовых, Путиных и др.

В основном, семьи водников проживали в бараках, оставшихся после строительства канала им. Москвы, рас-

Канал Москва-Волга, заградительные ворота

полагались они на втором участке по Дмитровскому шоссе. Их было около двадцати.

Баржевики, как еще называли водников, плавали командой. Почти всегда это – семья. Муж – шкипер или капитан, жена – повар или матрос, дети – юнги или тоже матросы, в зависимости от возраста. Но встречались и смешанные команды из несемейных.

Кадры специалистов набирались в Москве, в пароходстве, оттуда же шла зарплата: через Кимрский банк переводились денежные средства в кассу судоремонтных мастерских, где находилась бухгалтерия. Зарплаты были небольшими. Так, у капитана в 1949-51 гг. она составляла 410 руб. в месяц, а в 1955-56 гг. – 600 руб., да еще было добавлено 20 руб. так называемых «хлебных».

У других работников зарплаты были и того меньше – по 360-380 руб., а то и 280 руб. в месяц. Но общий котел и большой зимний отпуск позволяли скапливать небольшие деньги и пускать их на строительство собственных домиков, обзаводиться мебелью, да и одеваться получше.

Как и многие семьи в то время, семьи водников были многодетными. Дошколят сразу забирали с собой в плавание, а учеников очень рано оставляли одних или на родственников, соседей на время учебы. Нередко ребята приходили на пристань, чтобы через диспетчера связаться с родителями – таким образом происходил хоть какой-то контроль за детьми.

Как уже говорилось, в судоремонтных мастерских находилась бухгалтерия. Старшим бухгалтером был Сергунин, бухгалтеры: Лепешкин, Ольга Алексеевна Герасимова,

много пострадавшая за незаконно арестованного мужа. Его потом репрессировали, а судьбу Ольги Алексеевны сломали. Еще из сотрудников бухгалтерии называют начальника планового отдела Попова, его помощника Головика, других специалистов: В.Токмачеву, З.Челнокову. Вспоминают Надю Маклакову, Валю Прокопьеву. Красным уголком, библиотекой заведовали Шенина, Половинкина.

Здесь же находился и отдел кадров. На лето отдел перебирался на пристань. Долгое время кадрами занималась А.Бойцова – красивая, строгая, ответственная. Ее муж С.Бойцов после войны был диспетчером, а выучившись на капитана, водил катера и буксиры по Московскому морю и по Волге. Позже место Бойцовой заняла К.Герасимова – яркая, видная, артистичная.

Судоремонтные мастерские, или СРМ, были небольшим участком, но вмещали в себя деревообрабатывающий цех, механический и цех оборудования. Мастерскими руководили Громов, Челышев, Колчин. Одним из начальников цехов был Один, впоследствии работавший в Дубненском исполкоме.

К деревообрабатывающему цеху относилась лесопилка. Тепло вспоминают возглавлявшего ее Д.Плохова. Ремонт барж требовал много лесоматериалов. Привозные бревна перерабатывались в доски, брусья, горбыль. Опилки жители развозили зимой на санках по своим сарайчикам.

В механическом цеху работали токарные, слесарные станки и другие механизмы, а главной была кузница. Добрая память бывшему кузнецу А.Тяпкину.

Интересно, что мастерские вмещали в себя еще один

участок – гужевой. В него входили пять лошадок с возчиками. Лучшей возницей была Ольга Алексеевна Озерова – маленькая, худенькая, очень подвижная, она умудрялась работать за двоих, ни минуты простоя. Когда приходили выписывать лошадь, то непременно хотели работать с Озеровой. Умерла она на 92-м году жизни, в последние годы была прихожанкой Храма Иоанна Предтечи и, получая свою ежемесячную немудреную пенсию, приносила в церковь десятину и была этим очень довольна.

Называют и скромного, тихого, добрейшего возчика Н.Д. Крючкова, за свою жизнь и мухи не обидевшего, безотказного работника, светлой души человека.

Попадали на территорию СРМ через вахтеров. Вход был с Дмитровского шоссе при спуске в тоннель. Если считать по современным меркам, то рабочих и руководства было немного, но каждый дорогого стоил. Трудились размеренно, без надрыва, оставались на работе столько, сколько было нужно для окончания дела. Работали за копейки, но умели и любили работать. Если на барже был очень сложный ремонт, то подключали завод в Белом Городке.

К мастерским был приписан буксир «Упорный», его капитанами были П.Шмаков и В.Токмачов. Поршни у буксира были деревянные, а кольца чугунные, мощность двигателя – 80 л.с. Также были 200-сильные буксиры типа «Паши Ангелиной» и свыше чем 300-сильные, как «М.Мазаев».

Водники и СРМ были одним организмом, четко выполнявшим одно дело. Нина Васильевна Митяева (Малахова) все детство и юность проплавала с семьей на барже.

«Родители родом из Рязани, – вспоминала она, – рабо-

тали в Москве, на шарикоподшипниковом заводе контролерами. Отец, услышав, что в Московском речном пароходстве набирают желающих плавать по Волге, не раздумывая, все бросил и с семьей перебрался на Большую Волгу. Плавать пришлось на очень большой тысячетонной деревянной барже. Однажды ночью движущаяся самоходка проделала в нашей барже огромную пробоину в боку. Трюм тут же стал наполняться водой, и судно начало тонуть. Самоходка сняла с баржи всю семью с детьми. Баржа затонула.

Находясь по полгода на барже, ребята рано учились плавать, с четырех-пяти лет уже ныряли с лодок. Однажды я в свои пять лет чуть не утонула. Лодка ударила об лодку, я вылетела в воду. Хорошо – было кому спасать. Так что я сызмальства была «крещеная» волжской водой.

Движение судов было очень плотным. Одни суда ходили в одиночку, из других формировали караваны. Чалим баржу к барже по четыре в ряд, да по четыре друг за другом, т.е. «паровозиком» на языке речников. И так шестнадцать барж, а к ним еще прикрепляли длиннющие плоты.

Такие караваны составляли в ручную или чалкой, попросту подтягивали одну баржу к другой канатом или стальным тросом, наматывая чалку на кнек (стальной столбик). Это какую силу надо было иметь в руках! Да еще следить, чтобы не раздавило, не оторвало рук, просто не свалиться в воду, иногда ледяную. Но зато когда собиралась этакая громадина из движущихся судов, жизнь становилась намного интересней, особенно для детей. Ходили, вернее, перебирались кто как может, друг к другу в гости, узнавали новости, угощались.

ИВАНЬКОВО: город моего детства

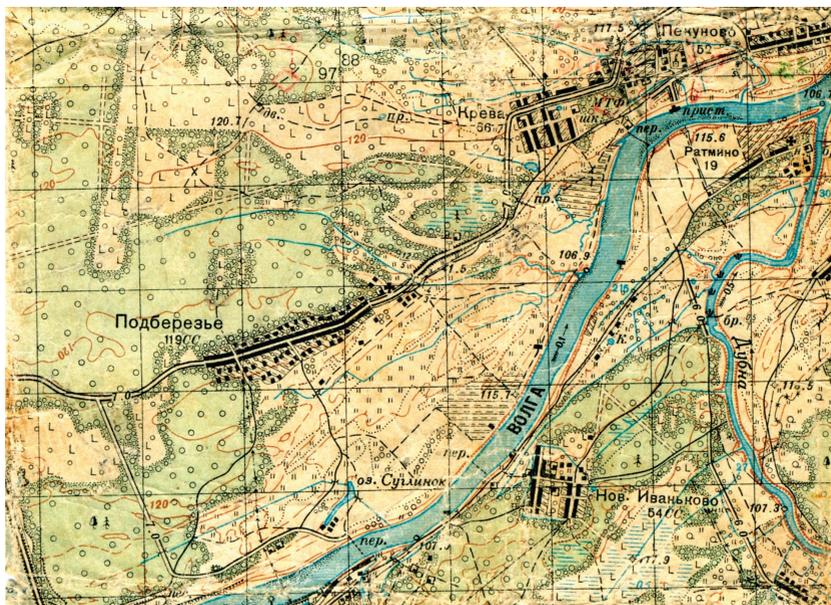
Почтовые карточки,
 направленные в годы войны в поселок Большая Волга

ИВАНЬКОВО: город моего детства

Храм во имя Смоленской иконы Божией матери в селе Подберезье до его разрушения в 1946-47 гг

Село Подберезье и его окрестности на топографической карте 1941 года

ИВАНЬКОВО: город моего детства

Старый вокзал Большая Волга

Строительство нового вокзала Большая Волга.

Фото Михаила Буланова

ИВАНЬКОВО: город моего детства

Новый вокзал Большая Волга

Вокзал Дубна. Фото Михаила Буланова

Баржи загружались в Касимове, в Белом Городке, а то и где придется, по распоряжению диспетчера с пристани. Возили помидоры, уголь, лес, доски.

Волнующий запах свежей древесины всегда возвращает меня в детство. Однажды на реке Медведице сделали остановку. Крытая баржа везла комбикорм. Вдруг появляется подвода с мужиками, те быстро забираются на борт и начинают кидать мешки в подводу. Никакие крики не помогают, приходится стрелять в воздух. Ружье у отца отбирают. Что делать? Помогли люди с других барж. Места на Медведице глухие, одни бы не отбились. Не зря выдавали оружие и постоянно тренировались в стрельбе. Страшно было ходить по ночам, на мачту всегда вывешивали фонарь.

Был со мной интересный случай. Познакомилась с девочкой Глафирой с соседней баржи. Родители разрешили ночевать у нее, постелили в кубрике. Мама девочки и говорит мне: «Ну, Нина, ложишься спать – скажи: «На новом месте приснись жених невесте». Что и было исполнено. Во сне увидела симпатичного мальчика, сидящего на стуле с баяном.

Прошли годы, вышла замуж. Как-то свекровь достала альбом с фотографиями. На одной из них я вижу знакомого мальчика из своего детского сна. Спрашиваю: «Кто это?» – «Не узнаешь? Это же твой муж Юра».

Очень запомнились плоты. Тянули их на большие расстояния. Плоты охранялись бригадой из нескольких человек. Здесь же они и жили – сооружали из горбыля настил, ставили палатку или делали шалаш, выносили на бревна керосинку. Тут же готовили еду, мылись, стирались, развешивали белье на веревках. Всё открыто, всё на виду. Бревна на пло-

тах скользкие, все время крутятся, подтопляются, между ними черные промоины. А люди с плотов быстро-быстро передвигаются по ним, то подпрыгивая, то балансируя, как эквилибристы. Бывали случаи, когда бревна отцеплялись от плотов и по одному или целыми звеньями продолжали плавание, создавая угрозу водному транспорту».

В.Г. Токмачева помнит, что такие бревна вылавливались на лодках и использовались в строительстве. Так, у паромной переправы, что у аварийных ворот, как-то скопилось много затонувшего леса, и знакомой ей семье Захмыловых разрешили использовать полузатонувший плот на постройку дома.

Зимовать приходилось в разных местах, где застанут холода. Подгадывали так, чтобы встать поближе к дому. Большеволжские вставали у судоремонтных мастерских, у шлюза, близ памятников В.И. Ленину и И.В. Сталину. Суда требовали ремонта и обновления. Их перекрашивали, очищали от ржавчины, отбивали ото льда днище, чтобы не раздавило. На некоторых баржах зимой жили, топили печи, сторожили. Все ценное снимали и переносили на склад в СРМ.

К весне обновленный большеволжский «флот» был готов к очередной навигации – снова вперед, к новым встречам, тревогам и радостям.

Памятными стали баржи с арбузами. Каждый год в конце лета по Волге тянулись баржи с арбузами из Астрахани. Их переправляли в Москву. Под тяжестью арбузов баржи глубоко погружались в воду, и полосатики манили своей доступностью. Вплавь за ними бросались мальчишки, реже – мужчины. Заберутся на баржу, покидают арбузы в воду -

и быстрее к берегу, толкая арбузы, как мячи, перед собой. Спелые доплывали, а незрелые тонули. На полузатонувших лодках с парной, подогретой водой сахарные огромные арбузы разбивались о камни, и редкое по тем временам лакомство создавало маленький праздник.

Иногда с проходящих барж сами кидали арбузы купающейся детворе. Такой груз не очень строго учитывался, и много его расходилось по обоим берегам Волги.

Из семьи водников и Борис Павлович Шмаков. Вот что он нам рассказал.

«Во время строительства канала им. Москвы мы жили на Оке, отец ходил в штурманах.

В 1937 году отца Павла Петровича Шмакова отправили на открытие канала, поставили капитаном на катер «Упорный». Жить на Большой Волге нам пока не разрешили, на II участке еще была «зона», в некоторых бараках продолжали жить заключенные. Семья временно поселилась на р.Сестре, близ д.Карманово. Внизу, за мостом было несколько двухэтажных барачков на четыре семьи.

Через несколько месяцев Павлу Петровичу выделяют полдома недалеко от пристани. В одной половине жили мы – Шмаковы, в другой – начальник пристани Громов с семьей.

Шлюз еще не эксплуатировался, шли завершающие работы. На левый берег ездили на лошадях, вброд. Волга была мелководной. Достраивали перемычку. Когда пустили Угличскую ГЭС, то вода в Волге поднялась, шлюз заработал, и тогда стали возить грузы вниз по Волге до Углича, Рыбинска.

Время шло, в пароходстве появилось шесть новых па-

Буксир «Коломна» управления канала имени Москвы

роходов: «Дуся Виноградова», «Мария Виноградова», «Никита Изотов» и др., названные в честь трактористов, шахтеров, ткачих.

Отцу дали новенький пароход «Радист Кренкель». Ходили по малым рекам, притокам Волги: Унже, Ветлуге. Судходство здесь было коротким, использовали паводковый сезон, когда вода поднималась. По большой воде забирались далеко вверх и сплавливали лес. В другое время эти речки были непроходимыми.

Войну встретили в г. Калязине. Зима 1941 г. была очень морозной. Немец взял Калинин, подходил к Ивановку. Мы спешили на своем «Радисте Кренкеле» домой, на Большую Волгу, но река рано встала. Плицы у колес – деревянные. Дерево об

Волга. Баржи на буксире лед ломается, крошится, пройдешь один километр – и нет колеса, так и не доехали. В Калязине ходили в лесную школу.

Весной 1942 г. немца из Калинина выгнали, стали плавать вверх по Волге. Ходили до Старицы, а дальше было мелко.

В голодный, разрушенный город Калинин возили хлеб, картошку и другие продукты. Загружались в Москве, в Горьком, в Рыбинске - и шли караваном, медленно, по 3-4 км в час, заходили к шлюзу – так занимали весь шлюз.

После войны продолжали плавать всей семьей. Сыновья подросли и стали юнгами на судне. Юнги-то юнги, а работали, как взрослые мужики, были добытчиками. В войну получали по карточкам 400-500 граммов хлеба (взрослым полагалось по 1 кг)».

На мой вопрос: «Рыбачили часто?» - получила ответ: «В плавании рыбачить было некогда, а вот когда зимовали – то есть что вспомнить. Зимой в районе «аппендицита» ставили на ночь жирлицы. Утром вытаскивали по 10-12 налимов – таких, что, когда тащили, хвосты волочились по земле.

Был момент, когда около шлюза вода кишмя кишела от малька (рыбки по 2-3 см). Рыба шла таким густым косяком, что за час набирали по ведру. Сетки делали из марли. Мама пропускала рыбешек через мясорубку, и получались чудесные котлеты.

Также марлевыми сачками черпали рыбешек из озера, что у переправы. Одно время там завелся сенец (5-6 см) и карась, которого черпали также ведрами и корзинками.

На время учебы оставались одни. Мне лет 9-10, Славе – 7. Сами хозяйничали. Мама, Анна Андреевна, прекрасная хозяйка – все оставит, все подготовит, а уж хлеб, молоко, какие-то мелочи покупали сами. Деньги берегли.

С мальчишками, конечно же, дрались, но только до первой крови; и домой друзей приводили, но не забывали о главном: школа, уроки, топить печь, прибираться.

Жить впятером в бараке было тяжело, и отец решил строиться. Тогда выделяли лесные делянки для заготовки леса. Нам разрешили заготовливать бревна около Дмитровой Горы. Сплавливали их по р. Сестре до канала. В судоремонтных мастерских давали по две лошади с повозками, и таким образом доставляли лес до моста.

Будучи грамотным и толковым, отец сам провел в дом воду, сам сделал паровое отопление.

С годами Павел Петрович стал сдавать. Оставив большой пароход, пересел на маленький, а точнее – на катер «Стриж», и перевозил людей по заливам Московского моря до самого своего выхода на пенсию. Всем смыслом его жизни было честно работать и крепить семью, дать сыновьям хорошее образование. И семья, и работа – все у него получалось на отлично!»

Старший сын Павла Петровича Борис Павлович и жену взял себе из семьи водников. Люся, или Людмила Ивановна Ершова, плавала с родителями на барже «Иван Коробов». Вместе они уже почти 55 лет, вырастили двух сыновей.

Среднего сына, Вячеслава Павловича, к сожалению, давно нет в живых. Он сделал блестящую карьеру. Был самым молодым профессором, самым молодым членкором Академии наук СССР, т.е. человеком государственного масштаба или, как раньше говорили, «номенклатурой». В трагические дни Чернобыля по приказу М.С. Горбачева вошел в состав комиссии по ликвидации последствий взрыва на АЭС. Получил смертельную дозу облучения и в 50 с небольшим лет ушел из жизни талантливейший молодой ученый, прекрасный человек.

Младший, Владимир Павлович, после окончания строительного института живет и работает в г. Королеве Московской области, где жил и его средний брат. Все у него сложилось хорошо.

Воспоминания Б.П. Шмакова дополняет Нина Ивановна Щёнова-Фокеева:

«Отец мой, Фокеев Иван Андреевич – водник, волгарь, и в этом вся его жизнь.»

Родился он 14 апреля 1901 года в селе Покровское, где река Ветлуга впадает в Волгу. Лет с девяти-десяти стал работать помощником водолива на барже, принадлежавшей какому-то частному лицу, с этого и начался его трудовой путь. Затем он стал водоливом, т.е. ответственным за содержание судна и груза перед хозяином.

После революции 1917 года хозяином судов стало Волжское речное пароходство, а баржа за №0408 стала нашим домом.

С моей мамой Анной Ивановной отец встретился в 1933 году при очень странных обстоятельствах. Его баржа стояла на рейде у села Богородское. Папа на берегу сооружал крест. Он похоронил свою жену Марию Григорьевну, а рядом бегал их сын, мальчик лет четырех. Мимо проходили две молодые девушки, это была моя мама с подругой. Когда они подошли, мальчик подбежал к моей будущей маме с криками: «Мама, мама! Папа, вот наша мама!» - и уже не отходил от нее.

Отец поведал ей свое горе. Он оказался в чужом месте, без родных и близких, да еще и с ребенком. Поинтересовался, где можно купить молока. Подруга предложила купить у них, а моя мама молчала. Они сами жили сиротами, шесть человек, бедствовали.

Отец уточнил, как найти дом. А потом поинтересовался: «А ты где живешь?» Она ответила: «Рядом». Разошлись. Вечером они зашли к ней в дом, посидели, поговорили. Мальчик, это впоследствии мой брат Толя, не отходит, ласкается, зовет мамой. Отец и говорит: «Может, это судьба. Только вот жизнь у меня цыганская».

Подумали они и оформили брак. И началась эта цыганская жизнь, только теперь уже в новом составе, втроем.

Время было трудное, голодное. В 1934 году родилась девочка Ниночка, но умерла на втором году жизни. В 1937 году родилась я, в 1940-м – брат Юрий, в 1942-м – сестра Людмила.

Дети рождались в разных местах. Вот каково было мое появление на свет. На 23 марта маме пришло время рожать. Папа причалил баржу в районе Максатихи и помог маме сойти на берег. Впереди была раскисшая от воды и снега дорога. Мама пошла по ней, а папа вернулся на баржу, ее же не бросишь.

Шла она и думала, что кто-нибудь ей скоро встретится, что недалеко населенный пункт. Но никого не было, только лес да хлябь под ногами. Держит она живот руками, проваливается в холодную грязь, шагает километр за километром – никого. И только шепчет: «Владычица, помоги, Владычица, не дай погибнуть!»

Так прошла 25 км и вышла к Богородску. Все разрешилось благополучно.

С весны до осени мы жили на барже, а зимой просились к кому-нибудь на квартиру. Мама рассказывала: «Ютились в углу, за занавеской». Тогда всем было трудно. Войну встретили так. Толе было 10 лет, мне – пять, Юре шел второй год. Маленького Юру оставили с родителями, а нас насильно отобрали и поместили в вагон. Детей набралось много. Все режут, кричат. Родители стоят у поезда, на земле, и тоже плачут. Я это и сейчас помню очень отчетливо.

Мама дала телеграмму сестре, и нас повезли в сторо-

Памятник В.И. Ленину. Возведен в 1937 году
ну г.Кирова. Тетя Настя пять суток жила на вокзале, встречала поезда, искала нас. Когда мы наконец приехали – увезла нас в мамину деревню, и всю войну мы прожили на маминой малой Родине.

Наши родители оказались в зоне боевых действий, баржа затонула. Маленького Юру контузило, он потом долго говорил только «Ух» и «Бух». Позже его переправили к нам в деревню. Так как родители были на военном положении, им приходилось на барже перевозить и раненых, и военное оборудование, и стратегические материалы.

После войны отца вместе с другими шкиперами откомандировали в Германию. Мама сильно переживала. Через полгода он вернулся на барже, конфискованной у немецкого частника. После войны флот Германии разделили победители: СССР, США, Великобритания. Хозяин плакал, просил оставить ему судно, говорил, что назвал баржу в честь жены «Розельфина», она ему очень дорога, ведь у него две дочери, их надо кормить. А папа в ответ: «А у меня две дочери, да еще два сына, а мою баржу ваши разбомбили».

Мы были несказанно рады возвращению отца. Другие шкиперы часто не возвращались домой...

На носу нашей новой баржи с двух сторон были большие латинские буквы. Брат Анатолий натирал их до блеска и очень гордился, что на других баржах такого не было.

Нас вместе с баржой перевели на реку Каму, возили там уголь и чугун. Потом нас вернули на Волгу, мы стали перевозить лес, лен, пшеницу, стройматериалы.

Когда перевозили груз особой ответственности, то ставили пломбы. Отец к своей работе относился не просто ответственно, а самоотверженно. Каждую пломбу забинтовывал, завязывал, чтобы кто-нибудь ее нечаянно не повредил. Сам все проверял, когда происходила погрузка или выгрузка, не оставлял свой пост сутки, двое, а иногда и дольше.

Нам отец тоже не позволял никаких поблажек, просил нас дежурить даже тогда, когда в этом не было особой необходимости. Я любила ночные дежурства: сидишь наверху, темно, вокруг только небо да звезды, лишь изредка по берегам появятся огни. Ночь пролетала быстро.

Но были у нас и другие дежурства. Все уснули, думали – забуксируют нас утром. Вдруг подходит пароход, дают команду чалиться. Чалка от предыдущего судна могла быть три метра, а могла и пять. Я никого будить не стала, сделала, что надо. «Готова?» – «Да!»

Вдруг вижу, что тросик от лодки находится под «чалкой» – стальным тросом с палец толщиной. Я захотела очень быстро перевязать маленький тросик прямо на руке. И тут чувствую резкую натяжку, моя рука попадает под стальной трос, а в руке еще тросик от лодки. На счастье, на передней барже шкипер увидел это и подал команду остановиться. Я со всем справилась, поплыли.

А утром шкипер спрашивает: «Ну как, дочка?» И все рассказал родителям. Слава Богу, все обошлось – я ведь могла остаться без руки.

Часто проходили по Рыбинскому водохранилищу. Никаких огоньков видно не было, а волны достигали пяти-шести баллов. Даже груженую баржу качает хорошо, а пустую – того и гляди перевернет. В такие минуты мы мучились, заболели морской болезнью, а отец бодрствовал, помогал нам, выхаживал. Но и ему надоедало сидеть рядом с нами, и нередко он, как циркач, по пятиметровому канату перебирался на соседнюю баржу, чем доставлял нам большое беспокойство. Баржи следовали гужем друг за другом.

Шли годы, мы, дети, подросли, пришло время определяться в школу и осесть на одном месте. В 1950 году у нас появилось свое жилье – комнатка в бараке №7 на Большой Волге, в бывшем общественном туалете. Сделали пол, печь, папа смастерил стол, нары в два этажа. Внизу спали мы с Люсей, а наверху – Юра.

Потом нам дали настоящую комнату площадью 12 кв.м, и зимовали мы уже в своем углу. В этой комнатке произошел такой случай. На время учебы мы подолгу оставались одни. Мне было 14 лет, а Люсе с Юрой и того меньше. Крючок на двери у нас выдергивался, и дверь спокойно открывалась. Однажды поздней осенью к нам заходят чужие мужчины – рыбаки, хорошо выпившие. Мы очень испугались – защиты никакой, а угроза серьезная.

В бараке вдоль коридора было более десяти комнат, где жили взрослые, в том числе мужчины, но к нам на помощь вышла женщина, уже приличного возраста – Ларичева Мария Филипповна. Она пристыдила рыбаков, больше они к нам не приставали. Правда, этой ночью мы уже не спали. А утром соседи стали делиться впечатлениями – кто как отгораживался: кто шкаф к двери придвинул, кто дверь привязал к кровати. А вот тетя Маруся не побоялась ни за свою семью (у нее было четверо детей без мужа), ни за себя. Она, женщина, преподавала урок нравственности всем.

Тяжело было жить без родителей, иногда обижали, но всегда находились и заступники, и доброжелатели. На них и земля держится. Добрая им память.

У мамы была мечта, чтобы было свое хозяйство, домик на земле, чтобы можно было что-то вырастить. И когда у

нас появились первые огурцы, сестра очень удивилась, что они зеленые. Мама приносила с рынка всегда жёлтые и вялые – подешевле.

В период навигации мы много помогали родителям на барже, всё делали своими руками. Папа – инженер, мама – помощник шкипера, дети – матросы, сначала Толя, потом и я.

Помню, проходили мы по реке Москве. Вдруг пароход повернул в сторону, а наша «Роельфина» с размаху врезалась в опору моста. Резкий грохот. И вверху, и внизу сразу всё изменилось, нос резко стал крениться вниз. Отец открыл крышку, поднял елань, видит – пробоина. Ситуация – SOS! На наше счастье, баржа была пустая. Быстро: мешковина, цемент, песок. Главное – чтобы эта «заплата» не отошла под напором воды. Справились!

Как мы радовались, когда сходили на берег, собирали ягоды, грибы – они были хорошим подспорьем на нашем скудном столе. На родине обоих родителей – богатые леса (Нижегородская губерния), там грибы берут только особые – идут в лес только с одной целью: набрать грибы для того, чтобы или сушить, или солить – или только белые, или только грузди. Здесь же берут все грибы, даже те, которые там считаются «погаными». Грибов мало, и каждому рады.

Однажды на очередной остановке мы, дети, принесли много грибов, похожих на лисичек. Мама пожарила, подала их на стол. Отец посмотрел, взял сковороду и выбросил за борт, да еще и отругал. Так вместо праздника получился облом.

Мы всегда радовались, когда шлюзовались. На территории шлюзов были роскошные клумбы, ухоженные скверы, парки. Было очень интересно проезжать по Москве-реке. С

мостов нам что-то кричали, махали, иногда даже кидали – то цветы, то конфеты. Мы в ответ тоже махали. Сейчас бы всё это повторить, проехать по нашим маршрутам: по каналу, по Волге, по Рыбинскому водохранилищу...

Сейчас, когда мне уже восьмой десяток, я думаю: как могли всё это вынести мои родители? Воспитать четверых детей, всем дать образование, да просто прокормить и выжить.

Зимовали, мама рассказывала такой случай: «Смотрю, Юра что-то не встает. Вызвали врача. А он нам говорит: «Ваш ребенок опух с голода». Ему восемь лет, а старшему восемнадцать. Стали выяснять, оказалось, что старший выманивал хлеб за кусок сахара у маленького. Стали стыдить большого, а тот со слезами и говорит: «Я за стол сажусь – есть хочу, а из-за стола выхожу – еще больше хочу есть». Хлеба давали по куску на сутки.

В деревне – когда картошка была, овощи, иногда молоко, а в городе паёк – и всё! Суп пустой был за радость. Такое испытание нам было.

В начале 1960-х годов нашу баржу «Роельфину» списали на слом. Отец плакал, когда расставался со своей кормилицей, не представлял жизни на земле. Говаривал: «Три баржи износил» – и, будучи на пенсии, каждый день ходил на пристань по берегу до шлюза, до маяка.

За безупречную работу на водном транспорте – 53 года службы – ему выделили полдома на улице Вокзальной. Общий стаж нашей семьи как водников составил 115 лет. К сожалению, из семьи остались только мы с сестрой – нет уже ни родителей, ни братьев.

Да, сейчас уже почти никого не осталось от того поколения. Мы – их дети, дети войны, стали старыми. Но забывать ничего нельзя. Наши родители героически выстояли и на фронте, и в тылу, и в разрухе, и в голоде. Про каждого из них можно написать повесть.

Сегодня мы сыты, живем, слава Богу, неплохо. Нам бы только не растерять память о тех днях, не забывать, какой мы стойкий народ!»

СТАНЦИОННАЯ – УЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА

До неузнаваемости изменилась Дубна с 1954 года, когда наша семья появилась на Большой Волге, возвратившись из Белоруссии, где мои родители занимались восстановлением разрушенных войной городов, трудились на стройках народного хозяйства.

Поселили нас в двухэтажном бревенчатом доме №7 на улице Станционной, из коих только два были двухэтажными, а остальные – или небольшими строениями барачного типа, или маленькими щитовыми домиками. В ту пору в поселке было многолюдно, на Большую Волгу народ прибывал со всей страны. Все, что можно было устроить под жилье, тут же занималось. К домикам подстраивались клетушки, крылечки, сарайчики. Люди обживались, благоустраивались.

Улица Станционная состояла из 15 домиков. Почему же она называлась «Станционная»? Никто и не задавался этим вопросом. Думали, вероятно, что улица идет вдоль железной дороги с поворотом на вокзал. И мало кто помнил, что во время строительства канала имени Москвы и шлюза на этой улице находилась железнодорожная станция. Еще несколько лет назад на улице можно было увидеть последнее строение той, старой Станционной – это было здание той самой «станции», переделанное под жилой дом, в нем жили две семьи, чьи родители были родом из моего детства. Однако сейчас этого домика уже нет.

Вид на научный поселок при лаборатории «М»,
будущую институтскую часть Дубны. Весна 1949 года

Пока не было построено кирпичное здание вокзала «Большая Волга», эта маленькая станция принимала составы, груженные лесом, углем, цементом, песком. Мы, дети, провожали длинные составы, считая вагоны, их было 20, 25 и более. Составы проезжали немного вперед, за переезд, в сторону Черной речки, для разгрузки.

Все было на виду, поэтому не огораживались. Никому и в голову не приходило брать или воровать все это нехитрое богатство и растаскивать по своим углам, хоть и то-

пили печи дровами и углем. Только иногда ходили к этому домику «станции» подбирать куски угля, которые машинисты, увидев ребятню, специально сбрасывали, чтобы порадовать нас. А еще мы любили сидеть на рельсах и слушать стук приближающегося поезда, да зимой ждать, когда на паровозах нам привезут елки. Елки выбирались такими, что не требовали игрушек. Высокие, до потолка, пушистые, с шишками; запах хвои был сильным, дурманящим. Немудренно наряженные: ватой, самодельными бусами, флажками, они преображали наши более чем скромные жилища.

Вокруг этой «станции» на десятки метров все было засыпано отходами шлака, ржавым железом, шпалами. Позже, когда нам достался участок под сад на этом месте, мы несколько лет извлекали эти «богатства» из земли. Помню заброшенное место водокачки – заброшенной колонки, где мы детьми всегда пили полуржавую воду, боясь провалиться в какую-нибудь глубокую яму.

В далеком 1937 году на эту станцию приехала молодым специалистом Муза Ивановна Мальцева, в больницу водников требовались медики. Приехала ночью, в почтовом вагончике. Ее встретил начальник станции, посмотрел документы, отвел в дом №9, что стоял напротив, в маленькую комнатку. Переночевала, а утром уже была оформлена патронажной сестрой и поселилась в корпусе около клуба. Так что дома напротив станции №№ 7 и 9 служили еще и временной гостиницей.

«Станционная» оправдывала свое название еще и по контингенту населявших ее людей. Это был рабочий люд – машинисты, кочегары, сцепщики, стрелочники, проводники,

весовщики. Жили тут и железнодорожный кассир, и железнодорожный плотник, и железнодорожный фельдшер. Это было профессиональное братство, как бы работники одной артели. Жили большими семьями, детей было много. Жили открыто, у всех на виду, так открыто, что многие комнаты и на ключ не запирались, а когда уходили далеко, закрывались на палочку. Народ был дружелюбный, мирный и очень трудолюбивый. Около каждого дома были небольшие огороды, где рядом с золотыми шарами и белой осокой росли морковь, огурцы, да укроп. Картофельные поля были дальше, где сейчас здание нового вокзала. Да еще каждая семья старалась завести какую-нибудь живность: кур, гусей, поросят, козу или корову. Работали много, нас, детишек, тоже загружали, но не очень, щадили, да и отношение к учебе у родителей было трепетное. Нам с пеленок внушалось: «Учитесь, это в жизни пригодится». Поэтому сначала уроки, а уж потом по силам – грядку прополоть, травы нарвать, воды с колонки наносить. Да и «трудились» мы все больше играючи. Нас ведь много, нам весело и не обременительно.

Приятными воспоминаниями детства были «походы» с мамками в железнодорожный магазин, в народе – в «железку». Идти было далеко, а это уже интересно; дорога мокрая, топь, где по настилу, где с кочки на кочку, кто-нибудь обязательно зачерпнет воды или грязи, но держались стойко, знали, что идем не зря. «Железка» снабжалась аж из Москвы, а значит, там были московские батоны – широкие, огромные, из белой муки, да еще батоны горчичные, да баночки, а иногда и редкие «подушечки», каких мы еще не пробовали. Магазинчик был маленький, душный, в нем пол-

ноправными хозяевами были супруги Максименковы, красивая пара. Работали дружно, расторопно, но это не спасало от давки, писка, очереди. Мы шныряли из магазина на улицу и обратно, путались под ногами, нас снова выставляли вон. Около магазина нас собиралось много и надолго. Мы успевали и поиграть, и похвастаться кто чем, и расплеветаться с чужаками. Никогда не жаловались родителям, не ябедничали, а если кто на такое осмеливался, то был осмеян и подвергался презрению. Очень нам нравился этот магазин. Хотя в конце Станционной, рядом с Дмитровским шоссе находилась еще одна продуктовая палатка, которую в народе называли «чипок». Почему так, до сих пор не знаю. Мы там были не свои, этой палаткой пользовались жители так называемого второго участка, что располагался за Дмитровским шоссе, да еще бесчисленные рыбаки, которые покупали в нем «чекушки». Рыбу ловили мешками, а пили «маленькими», сейчас все наоборот.

Мало кто помнит, что через дорогу от «станции» какое-то время существовал огромный дощатый сарай на высоких сваях, с выступающим вперед настилом. Это бывший склад медикаментов. Из-под него мы извлекали пузырьки, полуразбитые склянки, трубочки, что нам давало повод неутомимо играть в «больницу». А под настилом мы прятались от дождя и играли в прятки.

Напротив дома №9 располагалась «пожарка». Был дом с двориком, пожарной машиной и утварью, в нем жил пожарник с семьей. Потом этот домик стал кафе «Волна», а сейчас в нем «Шиномонтаж». А еще на нашей улице была «Покойницкая». Поскольку больничный городок примыкал

к дороге, то рядом с ней была построена бревенчатая часовенка с единственным окошечком. Самые смелые мальчишки и девчонки перелезали через забор и заглядывали в окно. Посредине стоял большой стол, куда приносили умерших. Мы тряслись, визжали, но шли смотреть; если смотреть было нечего, то делились страшными историями.

Настоящими богатствами жителей и особенно детей нашей улицы были «Поляна», где сейчас достраивается храм Рождества Иоанна Предтечи, и Дроздовский парк. «Поляна» находилась за канавой нашего дома, т.е. практически была продолжением двора. Додремав с утра на скамейке или завалинке, мы тянулись на «Полянну». Брали с собой подстилки, несли-вели маленьких сестричек и братиков и надолго пропадали из дома, собирая цветы, плетя венки, играли в дочки-матери, а весной пасли на ней цыпляток, утят, которых приносили в коробках, и следили, чтобы их не съели коршуны. «Поляна» нам казалась огромной. Там росли такой высоты травы и цветы, что полностью скрывали нас. Ах, какая же пышная там росла «куриная слепота», т.е. лютики. Мы любили «плавать» в ней. Однажды, во сне, ко мне на этой поляне пришел Бог. Прошло больше 50 лет, а я до сих пор помню и чудный свет, и невыразимую доброту, исходившие от Образа. Я рассказала сон бабушке Груше – человеку светлому и глубоко верующему, на что она ответила: «Это хорошо!» Бабушка была родом из кимрской деревни, работала с пяти лет и до глубокой старости, не признавая автобусов, и в дождь и снег пешком ходила в Кимры в церковь.

Немного повзрослев, мы, старшие, брали малышей

и отправлялись в Дроздовский парк. Тогда это было чудо дизайнерского ландшафта. Много сил оформлению парка отдал агроном Яков Исидорович Филиппенко, отец Нины Яковлевны Долговой, которая впоследствии стала моим классным руководителем. Она любила приводить нас сюда на уроки физкультуры и ни разу не подчеркнула, что она имеет к этой красоте какое-то отношение. До чего же скромными были люди!

В парке были посажены десятки редких пород деревьев и кустарников. По центру с одного конца и с другого располагались пышные клумбы. Радиально расходились аллеи – боярышника, смородины, акации, «волчьих ягод». Какая же там была сирень! Начиная с белой и заканчивая малиновой, всех оттенков, целые заросли. У клумб стояли длинные скамейки. Это место было любимым для отдыха всех жителей Большой Волги. Ближе к шлюзу располагалась кузница, и мы наблюдали, как варили, гнули, плющили железяки, все шипело, сверкало, стучало. Налюбовавшись, шли купаться или стираться к бычкам на канал, к шлюзовым воротам. Там стояли лодки. Выбирали «свою», облюбованную ранее, и обживали ее. Если лодки были затонувшими, то, как в ванной, плескались в прогретой воде, часами не вылезая из нее. Каждый час ворота открывались, и вода выходила из камеры. Самые отчаянные прыгали, ныряли в этот бушующий водоворот, который напоминал огромный кипящий котел. Мы называли это «бушевка». Ныряли с высоты 4-5 метров со стены солдатиком или рыбкой. Это было смело. Нас сгоняли со стены, ругали, но все продолжалось, как только происходила смена часовых.

Доплыв до «бычков», усталые, подолгу наблюдали мы за проплывающими баржами. Они шли, как нам казалось, бесконечным караваном. Буксиры тащили лес, песок, уголь, арбузы, помидоры. Иногда нам скидывали арбуз в воду, и мальчишки плыли за ним. А еще шли плоты, на которых стояли шалаши, в них жили, и нас это очень удивляло. Летом мы ходили к «Сталину», но не гулять, а стирать. Наши родители несли туда половички, одеяла, большое белье. Там были идеальные условия для стирки. На гранитных парапетах все расстилалось, терли хозяйственным мылом, тут же, спустившись по ступенькам в воду, и сушили на высоких откосах, чистое и высушенное несли домой. А мы, маленькие «прачки», стирали с себя все бельишко, сами мылись и чистенькие и довольные, чуть живые от усталости, тоже брели домой.

Когда Дроздовского парка нам было мало, отваживались идти за тоннель. Возвещался клич: «За тоннель, за тоннель!» Брели баночки, маленькие бидончики и семьями – Крючковы, Родионовы, Петык, Кутнеры – шли за ягодами. Подходили к тоннелю и начинали скулить около часового: «Дяденька, пропусти»... Если дяденька добрый, то пропускал. В тоннеле идти нам было страшно, жались к стенкам, все звуки множились, отдавались громким эхом. Машины почти не ходили, а все равно было жутко. Когда выходили, облегченно вздыхали. Наверху был настоящий фруктовый сад: длинные ряды яблонь, вишни, смородины, тут же поляны с земляникой. Набирали урожай, чаще всего ягоды, доспеть они не успевали. Надо сказать, что на удивленье, сколько мы съедали всякой зелени и никогда не болели. На-

чиная с ранней весны ели хвощ, щавель, какие-то горчички, дикую морковку, дикий лук, мы его доставали из канав, когда почти просыхала вода. Потом все зеленые ягоды, что находили, а уж осенью наши ротки были или черными, или красными от боярышника. Таким образом мы восполняли недостаток витаминов. Набрав ягод, осмеливались подойти к «Ленину» и полюбоваться издали Мавританским газоном. Специально высеивалась у памятника Ленину трава вразнобой с цветами – маки, васильки, ромашки и др. Это был огромный, живописный ковер. Цветы рвать боялись, охранник назад не пустит.

Зимой тоже было множество занятий и приключений. Катание с высокой горы – с дамбы у тоннеля, катание на санках и дрынях по дороге, прыгание в 1,5-метровый снег с крыш сараев, проделывание снежных ходов. Снег был чистейший, его было так много, что мы любили в солнечный день просто падать навзничь, оставляя свои следы на нем, сравнивая и веселясь. Иногда, заигравшись, замерзали так, что ревели от боли в замороженных руках и ногах, но приползали к печке, открывали дверцу, «оттаивали» и «клевали носом», сидя на маленькой скамеечке.

Хорошо жили, дружно, иногда и дрались, как же без этого? Но не зло.

Вспоминая свои детские годы, все больше убеждаюсь: да, мы были счастливыми. Мы никого не боялись, в том плане, что взрослые никогда не могли нанести нам вреда, и за нас не боялись. Мы были в меру серьезные, разумные, ответственные. Нам было хорошо и одним, и со своими родителями. Они не пилили нас, особенно не ограничивали нашу

свободу. Девочки с нашей улицы почти все были ударницами, ну, мальчишки учились похуже, но не были хулиганами.

В праздники взрослые собирались по несколько семей с винегретом да картошкой-селедкой, пели старинные песни, плясали. Любили слушать, как играет на гармони Василий Буланов. У нас никогда не было драк. Мы, с пирогами, смотрели на все доброжелательно и весело. Когда стали подрастать, то начали устраивать свои концерты. В наших домах 7 и 9 были большие коридоры, ну, конечно же, в ненастную погоду, чаще всего в доме №9 мы устраивали представления. Девочки Галя и Света Булановы переодевались в турецкие или татарские наряды и под бубен танцевали. Мы пели песни, читали стихи, просто дурачились, конечно, шумели, нас собиралось до 20-30 человек, но нас не выгоняли на улицу и не растаскивали по комнаткам.

Недалеко от нас располагался клуб ВРГС, мы, как все дети Большой Волги, не пропускали никаких мероприятий, проходивших в нем. Но клуб-вагон, приходивший по железной дороге и простаивающий у вокзала «Большая Волга», нам нравился не меньше. Наверное, потому что в клуб водников детей на вечерние сеансы не пускали. Уж больно строга была билетерша тетя Маша Салтыкова («Салтычиха»), гроза хулиганов. Как крикнет тетя Маша: «Семечки не лузгать, на улицу не выходить», так и душа в пятки уйдет. В железнодорожный клуб-вагон ходили исключительно вечером, чаще по темноте, сидели, как селедки в бочке, на узеньких скамеечках и семечки лузгали, и хлебом крошили, и даже лежа смотрели «кино». Да и «кино» привозили трофейные, да про войну и задешево. Возвращались всегда

шумно, крикливо, пересказывая сцены, понравившиеся реплики, хохоча или плача. Ну, это уж по сценарию фильма.

Хорошее было время. Поэтому мы и выросли все трудолюбивыми, добрыми. Ничего материального родители не могли нам дать, у самих ничего не было, кроме совести и чести. Вот это нас и спасло. Все встали на ноги, у всех семьи, и по-прежнему живем не шикарно, но с достоинством.

Милые мои девочки-соседки и те старички, которые еще помнят и нашу улицу Станционную, и нас, детвору 50-х, доброго вам здоровья, не унывайте! Давайте лучше отдадим ту частичку добра, света, что мы получили в детстве, нашим детям и внукам и всем, кто рядом!

ДРОЗДОВСКИЙ ПАРК – ЦВЕТЫ НАШЕЙ ЮНОСТИ

Садовод Дмитрий Дроздовский родился в Белоруссии в 1910 году. Окончил сельскохозяйственный техникум по специальности агросадовод. В 1937 году принят на работу в Волжский район гидросооружений по специальности огородник. С 1941 по 1943 находился в плену, затем служил в РККА. Вернулся на прежнее место работы в 1946 году. В 1947 году, скрыв в анкете пребывание в плену, стал кандидатом ВКП(б). Обман вскрылся, и решением партийного собрания коммунистов Б.Волжского района гидросооружений из рядов партии исключен.

Если старожилов Большой Волги спросить, где находится Дроздовский парк, они покажут парк возле шлюза и расскажут о человеке, который посадил его. Кто же этот человек, который оставил о себе добрую память у жителей Большой Волги? Это Дмитрий Владимирович Дроздовский, который мечтал превратить поселок Большая Волга в чудесный сад.

...Передышка приходила вместе с сумерками. Тишина только изредка нарушалась одиночными артиллерийскими выстрелами и редкой очередью пулемета, раздававшейся где-то далеко за окраинами города. К ночи становилось совсем тихо, и тогда Дмитрий Дроздовский и его товарищи могли помечтать. Мысли их уносились к тому далекому, что будет «потом», после победы, когда доведется пере-

ступить порог родного дома. Дроздовский говорил о розах, о цветущей герани, о бегонии, о голубом и белом левкое, которые украсят город будущего – Большую Волгу. И казалось тогда, что тесная землянка наполнялась благоуханием белых, как снег, левкоев.

Дмитрий Дроздовский мог часами рассказывать о цветниках на Большой Волге. Он говорил с поэтическим вдохновением, и нередко кто-нибудь его прерывал: «У тебя, должно быть, не цветник, а вроде как рай небесный».

Окончилась война. Бойцы разъезжались по городам и селам родной страны, прощались, обещали переписываться. Дроздовский сказал: «Меня, братцы, найти легко. Будете проезжать по каналу Москва - Волга, обязательно заедете на Большую Волгу, никак не минуете. Я вам на земле тогда покажу рай небесный». В 1946 году возвратился он в любимый поселок, который должен стать в скором будущем городом.

...Воздух пахнет влажной землей. Сквозь стеклянную крышу пробиваются лучи летнего солнца. В глазах рябит от зелени и цветов. Через проходы цветника Дмитрий Дроздовский проводит гостей по своим владениям. Сейчас он уже старший садовод волжских сооружений, под его непосредственным руководством находится цветбаза Большой Волги. Садовод показывает растения, рассказывает о цветобазах, с которой связаны десять лет трудовой жизни, ведет по аллеям и скверам поселка. Липы, клены, тополя, рябина, канадская белая ель...

Было время, когда можно было только мечтать о цветах, о нежной зелени газонов. То было время войны. Но не-

далек тот час, когда тысячи рабочих и работниц, военных, студентов, юных и пожилых натуралистов станут гостями Большой Волги.

**Заметка из газеты управления канала
Москва – Волга, 1956 год.**

* * *

Случайно мне в руки попал типографский текст об агрономе-садоводе Дмитрие Владимировиче Дроздовском. И невольно пришли воспоминания. Конечно, я не помню самого садовода, поскольку была еще слишком мала, но хорошо помню цветочную базу, созданную Дмитрием Владимировичем. Она находилась у леса, на самом краю Большой Волги в сторону Черной Речки.

Цветочная база занимала не очень большую территорию, но тесно засаженную молоденькими кустарниками и деревцами. Кроме того, там были огромные парники. Мы буквально прыгивали в них, потому что они были сделаны глубоко в земле, обкладывались бревнами, а сверху накрывались большими стеклянными рамами. Когда рамы снимали утром, то снизу шел такой пар, такой земляной дух! Рассада здесь всегда росла отменно!

Парники заполнялись конским навозом – конный парк располагался рядом. Лошади не только питали цветы, но и развозили в больших ящиках рассаду по всей Большой Волге, к Сталину, к Ленину, шлюзу, ГЭСу и т.д. Потому что клумбы были везде. Пароходы подходили к пристани – их встречали большие, яркие клумбы и скверы. Речные

посудины шлюзовались, и пассажиры видели вдоль шлюза длинные цветники и красивейший Дроздовский парк. У памятника Ленину все любовались цветочными террасами и большими вазонами. Памятник Сталину вообще «утопал» в цветах, подсвеченных огромными прожекторами.

Действительно, в 1950-е годы Большая Волга поражала своими цветниками! Клумбы были повсюду: у клуба, у магазина, у здания управления ВРГС, у школы. Благодаря питомнику Дроздовского мы, дети, хорошо знали названия деревьев и кустов, даже очень редких. Белую акацию, голубую ель, американский клен и другие виды. Мы изучали природу на школьных уроках ботаники, проходивших непосредственно в Дроздовском парке.

Да, действительно, левкои были своеобразным «коньком» садовода. Этими цветами, мы их называли «собачки» (форма соцветия у них похожа на открытый рот собаки), было засажено большинство клумб. Мне запомнились очень крупные цветки левкоев всевозможных красных оттенков и еще ярко-желтые. Вечером к яркости цветов добавлялся дурманящий аромат «душистого табака».

Клумбы и скверы были очень ухоженными. Все чистенько, ровными и четкими рядами, подстрижено и побелено. А трудились в команде озеленителей с десятков специалистов-женщин. Когда они все успевали?! С ранней весны у них, как у рыбаков, были прокаленные, сильно загорелые лица и руки. Трудились они безупречно, получая за очень тяжелый труд на земле буквально копейки. Их заработная плата была самой низкой в районе гидросооружений. А мы, жители, считали создаваемую красоту естественной и

привычной. Характерно, что никому в голову не приходило брать рассаду себе домой или, не дай Бог, нарвать цветов с клумб. Мы просто радовались и любовались, впитывая в себя удивительную для здешних мест красоту поистине экзотического для 50-х годов Дроздовского парка. Жалко только, что тогда, да и позднее мы ничего не знали о самом агрономе. Просто, как и многие дети послевоенной поры, играли в тенистых аллеях редких пород, выращенных талантливым садоводом.

Спасибо тебе, Дроздовский парк!

О СНОСЕ МОНУМЕНТА И.В. СТАЛИНА

Вспоминает Нина Ивановна Щёнова (Фокеева):

«Когда было решено взорвать монумент И.В. Сталина, я работала мастером в Волжском районе гидросооружений и училась в строительном институте. Мне было интересно заниматься этим вопросом, но работы по подготовке к взрыву передали другому мастеру, Василию Федотовичу Куприну.

Шла активная работа. Назначен был день взрыва. Это было зимой. Ночь. Очень хотелось посмотреть, как это про-

Памятник И.В. Сталину,
стоявший в Дубне с 1937 по 1962 гг.

Разрушение памятника И.В. Сталину в 1962 году
изойдет, пропуска у меня не было. Начальник караула знал меня, посочувствовал, и мы пошли с ним вокруг памятника, в обход КПП по льду. Вдруг появляются двое в белых полушубках, требуют пропуск, а у меня его, естественно, нет. Шум, ругань. Меня повели в вагончик.

На мое счастье, нам встретился наш начальник ВРГС И.В. Куликов. Меня отругали и выгнали. Позже Иван Васильевич устроил мне разгон, а ему был выговор за нарушение

режима. Сейчас только я понимаю, что могла пропасть без следа и следствия».

Воспоминания Нины Ивановны дополняет Борис Павлович Шмаков:

«Взрывали всю зиму. Монумент не поддавался. Долго стоял в наклоненном положении с петлей от троса, зацепленного за трактор. Арматура была толщиной с руку. Боялись увеличить мощность взрыва, ведь рядом шлюз, тоннель, жилые дома. И так при взрыве в бараках на втором участке вылетали стёкла из окон. Людей на время взрыва эвакуировали, отводили в район комендантского участка.

Искали архитектора. Ходили слухи, что памятник можно было не взрывать, он разбирался. Голову вождя погрузили и увезли подальше от канала, а остальные гранитные куски обнаруживались по всем окрестностям».

ИСТОРИЯ ВОКЗАЛОВ ДУБНЫ

Как правило, во всех областных центрах, а уж тем более в маленьких городах есть только один железнодорожный вокзал, но в нашем уникальном наукограде их целых три. А одно время стоял и четвертый, правда, давно ставший жилым домом на четыре семьи - совсем недавно его снесли. Этот вокзал, или, как обычно говорили, станция, и дал название улице Станционной.

Еще во время строительства Канала и Волжского района гидросооружений в середине 1930-х на территории Большой Волги появилась железнодорожная станция «Волжская плотина». Она использовалась как временный перевалочный пункт для прибывавших на строительство грузов и людей. В дальнейшем на месте этой станции и был поставлен известный дубненцам домик-вокзал на Станционной.

К 1933 году, к началу строительства Волжского района гидросооружений, существовала железнодорожная ветка до станции Вербилки. Весной 1934 года, в апреле, стали срочно готовить место для железнодорожного полотна по направлению Темпы – Карманово – Большая Волга.

Из ближайших деревень собрали молодёжь, в основном женщин и девчонок, лошадей с подводами, и на намеченном участке стали вырубать лес, кусты, возить землю.

Запомнилась случайная встреча с пожилой женщиной во дворе дома №5 по улице Понтекорво. Сидим на лавочке,

общаемся, она жалуется на ноги и при этом сетует: «Да и как им не болеть, ведь всю жизнь на тяжелой работе. Девчонкой еще была, а нас собрали, молодых, да и привезли в лес на железную дорогу, на стройку. Земля еще не отошла, а нам дали лопаты в руки, да в канавы, в воду. На мне платье ситцевое, пиджачок да башмаки. Так и работали в этих ямах все лето. Обсохнем у костров, погреемся – и опять откосы копать в жиге болотной. Доктор там старенький был, здорово нам помогал. Мы кашлять стали, чирьями все пошли, ревем. А он нам: «Бегите, девки, пропадете здесь». А куда бежать, кругом болота, да и боялись. Отправили меня тогда к мамке, пока совсем не слегла – долго потом ноги болели».

Стройка продолжалась до войны. Позже с большеволжского участка женщин для работы на путях возили на дрезине и зимой и летом. Мастерами были Кудлай и Субботин. Перетаскивали шпалы, делали насыпь, забивали костыли: очень тяжелый труд. Руками таких женщин, как А.Алешина, К.Зуева, А.Багрова, Е.Суслова, Баранова, Е.Севрюгина, С.Антипова, А.Никанорова, и многих-многих других возводился этот участок железной дороги.

Первое время регулярного железнодорожного сообщения Большой Волги с Москвой не было, оно существовало только до Дмитрова. Паровозик с прицепленными четырьмя вагонами привозил уголь, дрова и все необходимое в небольших количествах; иногда почту, специалистов в товарных вагонах – на Большую Волгу. От Большой Волги добирались от Дмитрова на маленьком автобусе, на попутках; легковые автомобили были крайней редкостью.

Строительство и расширение железной дороги про-

Железнодорожная станция Волжская плотина.

Середина 1930-х

должалось и после войны. В 1949 году приступили к возведению вокзала на Большой Волге и сдали его в 1951 году.

Первым начальником вокзала «Большая Волга» стал Михаил Азарович Сорокин. В 1949 году всю строительную компанию М.А. Сорокина перебросили на строительство крупного железнодорожного узла в город Крюково Московской области, но к этому времени у Михаила Азаровича начались проблемы с сердцем, учитывая это обстоятельство, ему дали участок поспокойнее и направили на завершение строительства Савеловской железнодорожной ветки «Темпы – Караманово – Большая Волга».

Семья с тремя девочками поселилась в маленьком домике рядом с железнодорожным магазинчиком, на привок-

Окрестности ж.д. станции Волжская плотина.

Середина 1930-х

зальной территории. Скромная интеллигентная семья, отличавшаяся своим искренним радушием, истинно русским гостеприимством и хлебосольством.

К началу 1950-х годов был уже полностью сформирован поселок Большая Волга, занимавшийся обслуживанием гидроузла. На полную мощность работал машиностроительный завод в левобережье, появились первые лаборатории и строительные площадки будущего ОИЯИ. Все требовало передвижения, постоянной подпитки грузами, рабочими кадрами, квалифицированными специалистами.

Откуда только не ехали люди! Все домики, все сарайчики, все бараки были перенаселены. Полным ходом шло строительство частного сектора.

Вокзал появился вовремя. Он стал оплотом порядка, надежности, разрешил многие проблемы.

Здание бывшего вокзала на улице Станционной.

Снесено в начале 2000-х

За заслуги по строительству важных объектов, в том числе – и за строительство большеволжского вокзала, М.А. Сорокин был награжден орденом Ленина и знаком «Почетный железнодорожник».

Примечательно, что две из трех дочерей Михаила Азаровича продолжили династию отца: Лариса Михайловна и Татьяна Михайловна от начала трудовой деятельности и до пенсии проработали на станции, Лариса Михайловна – помощником начальника вокзала, Татьяна Михайловна – приемосдатчицей. С честью отработав почти 50 лет в железнодорожном ведомстве, она получила все полагающиеся льготы и награды, но, к сожалению, в 68 лет из-за болезни

ее не стало.

С Евгением Михайловной Сорокиной (Юревич) мне довелось работать в одной организации. Многие годы она была бухгалтером в горкоме партии, а я периодически сдавала ей отчеты. В этом официальном, строгом, но авторитетном коллективе Евгения Михайловна была его душой. В ее маленький, скромный кабинетик шли и по делу, и без дела. Она всех встречала неизменной спокойной улыбкой, ее теплые, «домашние» глаза всегда лучились. Она притягивала неравнодушием. Часто у нее можно было встретить и Ларису Михайловну. Они были очень похожи и дружны. К сожалению, сегодня с нами уже нет ни той, ни другой.

Для жителей Большой Волги, а особенно для близлежащего жилого участка №2 с его многочисленными бараками, погруженными в темноту улицами, с деревянными мощеными настилами, «чавкающими» при ходьбе, вокзал стал почти дворцом. Вокруг него все было ухожено: клумбы, посадки акаций, скамеечки, фонари; всё побелено. Строгий милиционер зорко следил за порядком, исправно работал буфет. Дополняли картину вечно спящие рыбаки на лавках, что создавало мир и уют – всё как надо!

Вокзал оживил жизнь района, стал его культурным центром. В здании функционировал красный уголок. Можно было спросить газету, поиграть в настольные игры, поучаствовать в художественной самодеятельности. Концерты давали и школьники, и сами работники вокзала. Приходили истинные таланты: подросток Петр Кулешов хорошо пел частушки, а Слава Кулешов плясал. Пели Нина Воронова, Нина Малахова, Саша Алексеев, Шура Евстигнеева, Капито-

лина Евсеева. Удивляла чета Булановых: Василий Буланов лихо играл на гармони, его жена Наталья, красавица-турчанка, привезенная мужем из далекого Крыма, так выплясывала-вытанцовывала восточные танцы в национальном костюме, в монисто и с бубном в руках, что их подолгу не отпускали со сцены. Они открывали новый, сказочный мир экзотики. Рассказывали, что когда Наташа появилась у мужа в деревни Домкино 1947 году, то на нее сбегались смотреть не только свои, но и из соседних деревень.

Концерты пользовались таким успехом, что артисты гастролировали с ними по всей железнодорожной ветке, но чаще всего выступали на станции Вербилки. Привозили призы и грамоты.

Культурную программу станции дополнял вагон-клуб. Он периодически появлялся на запасных путях с прокатом известных фильмов. А в Новый год привозилась елка с богатыми московскими подарками.

В 1957 году Михаила Азаровича Сорокина на посту начальника вокзала сменил Иван Кондратьевич Кошелев, прослуживший в этой должности до 1983 года.

До перевода в Дубну Кошелев работал в Туркестане. Под его началом трудилось уже 60 человек. Он был достаточно молодой (не было еще и сорока), энергичный и грамотный.

При Иване Кондратьевиче проложили новые подъездные пути: в Александровку, на бетонный завод, на базу ОРСа, на «Тензор», в РСУ и т.д. Грузы приходили бесперебойно, составами по 24-25 вагонов. Привозили много строительных материалов, мазута, бензина, цистерн с газом, бе-

тона и железа. На Заволжской базе построили отдельную ветку с емкостями для разгрузки вагонов с цементом. Солдатики из стройбата днем и ночью трудились на его выгрузке. Ночью площадка освещалась мощными прожекторами. Ну и наглотались же молодые ребята этой пыли, которая стояла, как дымовая завеса!

С машиностроительного завода поступало столько металлической стружки и металлолома, что его не скрывали и 4-5 метровые заборы Заволжской базы. Вообще Заволжская база привлекала внимание горожан своей закрытостью. Сюда поступала самая главная продукция ДМЗ: самолеты и ракеты, называемые «изделиями». Под покровом ночи приходили огромные тягачи, зачехленные брезентом. Для оформления такого груза вызывалась Наталья Семенова Буланова – начальник товарной конторы. Требовалась определенная форма допуска для работы с секретными документами. Груз сопровождали четыре человека. Наталье Семеновне доверяли, ведь до прибытия в Дубну, в страшной войне с фашистами она была партизанкой-связисткой в городе Судак в Крыму. Она отмечена многими орденами и медалями.

Двадцать лет Наталья Семеновна Буланова была секретарем партийной организации вокзала. Ее любили и ей доверяли. Вместе с ней товарными кассирами работали: Л.М. Сорокина, Н.Сероштан, Т.Кудрявцева, Лебедева, Уткина, работала там и я.

В город поступало много мебели, холодильников – всё шло через товарную контору. Дубненский машиностроительный завод загружал вагоны детскими колясками,

известными своим качеством на всю страну. Их с нетерпением ждали в Москве, в магазине «Детский мир». На базу Торга, на базу ОРСа шли и шли контейнеры, вагоны с промышленными товарами и продовольствием. Вагонов не хватало. Постоянно усовершенствовались методы отгрузки-погрузки. Был подхвачен новый метод «верхушка», когда состав загружался только одноименным товаром и обратно быстро возвращался порожняком – за новым однородным грузом.

Вокзал был связан с городом Кимры: швейная фабрика, обувная, трикотажная, Кимрторг, фрезерный завод, станкостроительный, кимрские колхозы и совхозы – все получали и отправляли грузы через большеволжскую станцию, через контейнерную товарную площадку. Площадка бывала так перегружена, что контейнеры ставили, как кубики, один на другой в несколько рядов. Погрузка-разгрузка осуществлялась козловыми кранами со специальными приспособлениями-«пальцами».

Кроме того, был пакгауз-склад. Одиннадцать приемосдатчиков трудились на этом ответственнейшем участке: Т.Кудрявцева (Мухитова), Н.Митяева (Малахова), Качерова, Леонтьева (Никанорова), Смирнова, Фомичева, Т.Сорокина (Орлова), Якина, И.Ефремова (Скороспешкина), Морозова. Один из начальников станции отметил, что вся товарная станция держалась на приемосдатчиках, особенно на Н.Митяевой.

Нина Васильевна Митяева пришла на контейнерный участок сразу после школы и 42 года отдала этой работе. «Как ты не побоялась совсем молоденькой девчонкой, без

опыта, пойти работать приемосдатчицей?» - удивилась я. «Сначала, конечно, страшно было, но с таким начальником, как Иван Кондратьевич, работать было одно удовольствие, как за каменной стеной! Отец родной! Всё сам, везде успевал, строгий, но справедливый. В обиду не даст, всегда заступится. Любил ходить в светлом плаще, - вспоминает она. - Пойдет на обход, увидит – что-то не так, и тут же под вагоны: то цемент сыпется, то удобрения текут. Вылезет – на белом плаще светлого пятна не найти. Ни в чем себя не берег. Хорошо было с ним работать».

Господь послал Ивану Кондратьевичу долгую жизнь, 92 года – немалый срок. Вместе с ним на железной дороге помощником начальника трудилась и жена, Зинаида Кошелева. После его ухода на пенсию она несколько месяцев замещала мужа на посту начальника станции.

Персонал вокзала – это люди, на которых держится вся его работа, его «золотой фонд». Многие из них отработали 50-60 лет на одном месте. В разное время работу вокзала «Большая Волга» обеспечивали помощники начальника вокзала: Мошкина, Петухова, Комлева, Черкашина, Никаноров, Торопова, Чеснокова, Кошелева, Тимофеева, Грибанова, Стволинский. Билетные кассиры: Павлова, Субботина, Калева, Абрамова, Литвинова, Кисанова. Машинисты паровозов и тепловозов: Петык, Воронин, Козлов, Калев, Щеглов, Кутнер, Цинфир, Уклеikin, Палагичев. Сцепщики, составители поездов: Шишигин, Шпаковский, Тихонов, Абрамов, Родионов. Кочегары: Буланов, Боков. Стрелочницы: Козлова, Ксенофонтова (Цинфир), Родионова, Севрюгина, Тихонова, Королева, Павлова, Фирсова, Воеводина, Куранова, Суслова,

Хромова. Осмотрщики вагонов: Голунова, Киселев, Белякова. Диспетчер Хромов. Сторожа: Татаринцева, Быков. Путь-обходчик Заплаткин. Конечно, я упоминаю здесь не всех, а только тех, о ком удалось вспомнить мне и тем работникам дубненских вокзалов, с кем я беседовала.

Трудились семьями: если муж на железной дороге, то и жена где-то рядом. Это было замечательно, все были близки друг к другу и равнодушны.

С 1958 года до вокзала «Большая Волга» из Москвы можно было добраться поездом. Ходил он сначала один раз в сутки. В 1959 году поезда пошли уже до платформы в институтской части – до Дубны, которая была тогда отдельным городом. В 1969 году наконец-то железную дорогу электрифицировали, по ней пошли электрички. В институтской части появился небольшой павильон с пригородной кассой. Пассажиры толпились на открытой платформе и в зной, и в стужу. Первые автобусы с левого берега прибывали за 40-50 минут до отхода. Приходилось коротать время в подъездах ближайших домов, что доставляло много неудобств их жителям. Поэтому вскоре появилось еще одно строение в ста метрах от платформы, где было вполне сносно ожидать поезда. Но неэстетичность построек, да еще и оторванность касс от платформы были неприемлемы для дубненцев – ведь в день через кассу могло пройти до 900 человек. И вот в 2002 году у нас появился новый современный вокзал «Дубна» в два этажа – это всего-то двенадцать лет назад! Жители приняли его с восторгом: светлый, большой, просторный.

В 2004 году произошло еще одно важное событие

для нашего города. На большой Волге построили еще один вокзал с одноименным названием. В честь этого события Москва подарила городу новенький экспресс «Москва – наукоград Дубна». Жизнь нового вокзала только начинается, заброшенный пустырь превращается в красивый современный комплекс. Сегодня здесь останавливаются автобусы основных городских маршрутов, что удобно и всех устраивает.

Старое здание вокзала «Большая Волга» сейчас не функционирует. Его можно оставить в памяти города как музей, который в фотографиях, документах, экспонатах расскажет о людях, делавших историю города – о железнодорожниках, о трех дубненских вокзалах.

Написано с использованием воспоминаниям Н. Митяевой, С. Булановой, В. Кашеевой.

Научно-популярное издание

КРЮЧКОВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА

***ИВАНЬКОВО:
город моего детства***

Отпечатано с готового оригинал-макета, подготовленного в Московском областном общественном фонде историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие»

141980, г. Дубна Московской области, ул. Жолио-Кюри, д. 17-а, стр. 1

Интернет-портал: www.nasledie.dubna.ru

E-mail: fondnasledie@mail.ru

Тел. (496) 212-90-11

В оформлении обложки
использована 3D-реконструкция
исторического ландшафта города Иваньково,
созданная участником форума <http://dubna.ru.com>,
пишущем под ником native.

Составитель, автор предисловия: Ф.Н. Петров
Автор макета, художник, дизайнер: П.Ф. Муравицкий
Корректор, литературный редактор: И.А. Алексеева

Отпечатано в типографии PRINTLETO. E-mail: zakaz@printleto.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10 февраля 2016 г.

Формат 60x90/16. Гарнитура «PT Sans». Печать офсетная.

Объем 6,1 п.л. Тираж 300 экз.

Заказ № 450

Людмила Ивановна Крючкова – коренная жительница города Иваньково. Сегодня этого города уже нет на карте, но его название живет в имени Иваньковского водохранилища – первого в каскаде водохранилищ великой русской реки Волги, и в Иваньковской ГЭС. Этот город, несущий в себе имя русской деревни Иваньково, известной еще с начала XVII века, не исчез и не был затоплен, как некоторые волжские города – в 1960 году он объединился с расположенным рядом, тогда еще небольшим научным городком Дубна. Объединенный город получил имя одной из своих частей, и сегодня во всем мире знают наукоград Дубна, один из ведущих российских научных центров – и только местные жители и подмосковные краеведы помнят город Иваньково, ставший предшественником Дубны.

Вот уже двадцать лет Людмила Ивановна занимается историей и краеведением родного города. Жанр, в котором пишет Людмила Ивановна, – это изучение локальной истории по воспоминаниям современников ее явлений. Используя собственные воспоминания и обращаясь к воспоминаниям многих жителей прежней Дубны и Иваньково, она воссоздает не громкие исторические события, а ткань повседневной жизни.

ISBN 978-5-9907798-1-5

9 785990 779815